

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра международных отношений, политологии и регионоведения

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, к. т. н.,
доцент
_____ Л. И. Шестакова
« ____ » _____ 2019 г.

**КПК В ПЕРИОД «БОЛЬШОГО СКАЧКА» И
«КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 41.03.01.2019.214. ВКР

Руководитель проекта, д. и. н.,
профессор
_____ А. Д. Таиров
_____ 2019 г.

Автор работы,
студент группы ЛМ-415
_____ А. П. Кандалов
_____ 2019 г.

Нормоконтролер, д. и. н.,
профессор
_____ А. Д. Таиров
_____ 2019 г.

Челябинск 2019

АННОТАЦИЯ

Кандалов А. П. КПК в период Большого скачка и Культурной революции. – Челябинск: ЮУрГУ, ЛМ-415, 82 с., библиогр. список – 51 наим.

Дипломный проект выполнен с целью раскрыть мотивы проведения кампаний «Большой Скачок» и «Культурная революция», изучить деятельность КПК в период этих кампаний, а также причины, по которым КПК сохранила поддержку масс и является главной политической силой в Китае.

В данной работе рассматривается КПК как участник и инициатор проведения кампаний «Большой скачок» и «Культурная революция».

Задачи работы: изучить историю КПК в период кампаний: «Большой скачок» и «Культурная революция»; рассмотреть ход проведения кампаний «Большой скачок» и «Культурная революция»; проанализировать ошибки, которые были допущены в ходе кампаний со стороны КПК; рассмотреть и проанализировать причины, по которым КПК смогла сохранить поддержку масс; дать правильную оценку КПК в период «Большого скачка» и «Культурной революции».

Описание структуры выпускной квалификационной работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении раскрывается актуальность выбранной темы, описывается цель и задачи выпускной квалификационной работы.

В первой главе изложена история и причины проведения кампании «Большой скачок», перечислены основные этапы кампании, проведен анализ изменения партийного курса, дана оценка итогам кампании.

Вторая глава посвящена изучению «Культурной революции» и деятельности КПК в ее осуществлении, причин появления данной кампании в Китае. Освещена внутрипартийная война, использование культуры как мощного инструмента государственной пропаганды.

В заключении обобщается проделанная работа и формулируются выводы по данным историческим этапам и роли КПК, как главного инициатора и участника этих кампаний.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8
1 ПЕРИОД БОЛЬШОГО СКАЧКА.....	11
1.1 «Большой скачок». Проведение кампании.....	11
1.2 Анализ партийного курса в период кампании «Большой скачок»	21
1.3 Оценка Мао Цзэдуна как лидера партии.....	32
2 ПЕРИОД КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ	38
2.1 Причины и начало «Культурной революции»	38
2.2 Внутрипартийная борьба в период «Культурной революции»	42
2.3 Конфронтация сторонников Мао Цзэдуна и сторонников Линь Бяо	55
2.4 Период партийной борьбы после смерти Линь Бяо	59
2.5 Борьба внутри партии после смерти Мао Цзэдуна.....	63
2.6 Культура как важный инструмент партии в период революции.....	65
2.7 Оценка периода «Культурной революции» со стороны КПК	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	75
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	77

ВВЕДЕНИЕ

Изменение политического климата, политических центров и растущий спрос на переосмысление некоторых исторических этапов могут раскрыть значительный потенциал в изучении периода «Большого скачка» и «Культурной революции». Сила КПК в современном Китае также представляет большой интерес. Несмотря на серьезные ошибки и тяжелое экономическое положение страны Коммунистическая партия Китая не только смогла сохранить поддержку масс, но и побудить население преобразовывать страну, стремиться к развитию. Поэтому рассмотрение истории партии, а также её отношение к ошибкам и осмыслению своей истории представляет большую перспективу для науки в целом.

Многие прогнозируют, что Китай в течение нескольких десятилетий станет новым политическим и экономическим центром, что потенциально может открыть для региона новые возможности и вызовы. В условиях быстрого изменения политической ситуации на международной арене такие периоды в истории Китая как «Большой скачок» и «Культурная революция» представляют большой интерес. Например, то, как партия смогла не только побудить массы проводить такие масштабные кампании, но и смогла преодолеть трудности, полностью изменить курс развития и при этом не потерять поддержку населения.

Также следует проанализировать подход к осмыслению истории данных периодов, который является ключом к разрешению социальных противоречий и напряженности.

Актуальность темы. Актуальность выбранной темы дипломного проекта обусловлена высокой степенью значимости Китая на мировой арене в современном мире. Как один из главных субъектов международных отношений, КНР стремится превратиться в экономический и политический центр, что обуславливает его желание быть участником процесса управления мировой политики. Поэтому правильный анализ данных этапов истории поможет понять причины успеха КПК и благополучного развития Китая.

Цель данной работы – раскрыть успех стратегии КПК, изучить деятельность КПК в ходе кампаний «Большой скачок» и «Культурная революция», а также причины, по которым КПК является самой мощной политической силой в Китае.

Задачи работы:

- изучить историю КПК в период истории КНР: «Большой скачок» и «Культурная революция»;
- рассмотреть ход проведения кампаний «Большой скачок» и «Культурная революция»;
- проанализировать ошибки, которые были допущены в ходе кампаний со стороны КПК;
- рассмотреть и проанализировать причины, по которым КПК смогла сохранить поддержку масс;
- дать правильную оценку периода «Большого скачка» и «Культурной революции».

Объект исследования – китайская коммунистическая партия.

Предмет исследования – история формирования и развития концепций кампаний «Большой скачок» и «Культурная революция», а также отношение и оценка со стороны КПК и других деятелей Китая данного исторического этапа и своих действий в ходе этих кампаний. То есть, историческая оценка данных периодов.

В ходе написания выпускной квалифицированной работы были использованы первичные источники – документы, статьи и вторичные источники – научная литература и сетевые ресурсы.

Теоретической и методологической основой исследования послужили труды русских и зарубежных ученых в области истории Китая и КПК. Среди них следует отметить труды таких авторов, как: О.Е. Непомним, Т.В. Степугина, Ян Цзишен, Фрэнк Дикоттер, Родерик МакФаркуар, др. Авторы уделяют большое внимание изучению истории становления КНР и КПК, а также занимаются исследованием мотивов, целей и причин, по которым Коммунистическая партия Китая решила проводить такие масштабные кампании, также изучают последствия и внутривнутрипартийный климат в данный период.

Методы исследования. В ходе работы над первой главой дипломной работы для выявления причин проведения кампании «Большой скачок» и анализа партийной работы были использованы такие методы исследования как: исторический, изучение и обобщение, метод анализа и синтеза. При написании второй главы применялись методы компаративистский, а также прогнозирования и ситуационного анализа формирования и развития курса Коммунистической партии Китая.

1 ПЕРИОД БОЛЬШОГО СКАЧКА

1.1 «Большой скачок». Проведение кампании

С 1949 – 1956 гг. Новому Китаю потребовалось всего семь лет, чтобы в основном завершить социалистическую трансформацию частной собственности на средства производства. В конце 1957 г. большинство показателей первой пятилетки (1953 – 1957 гг.) были перевыполнены из – за решимости китайского народа, которая заключалась в том, чтобы изменить обедневшую и аграрную страну. Еще в ноябре 1957 г., чтобы отпраздновать сороколетие Октябрьской революции, партийные лидеры коммунистических стран собрались в Москве. Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев предложил цель не только догнать, но и превзойти США по объему промышленного производства в течение следующих 15 лет благодаря мирной конкуренции. Мао Цзэдун был настолько вдохновлен лозунгом, что Китай выдвинул свою собственную цель: перегнать Великобританию за 15 лет. «Товарищ Хрущев сказал нам, что через 15 лет Советский Союз превзойдет Соединенные Штаты Америки. Я также могу сказать, что через 15 лет мы можем догнать или превзойти Великобританию» [1]. В этих условиях была начата кампания «Большой скачок». В 1958 г. без серьезного исследования или даже экспериментального обзора со стороны КПК, у которой не было опыта социалистического строительства и адекватного понимания законов экономического развития, а также базового понимания экономических возможностей Китая на тот период. Начиная с лета 1958 г., Китай должен был испытать в ближайшие несколько лет одну из самых радикальных

революционных перемен в истории человечества – «Большой скачок». В двух словах, реформа была неортодоксальной. Стратегия развития, заключалась в том, чтобы ускорить темпы преобразования экономики Китая из преимущественно аграрной природы в мощный промышленный комплекс. Чтобы достичь этого, конкретной целью скачка было увеличение как сельскохозяйственной, так и промышленной продукции. Первое планировалось осуществить за счет расширения площади под орошение, а второе за счет увеличения качества стали и производство железа. Поскольку Китай был сильно ограничен капиталом и отставал в технологическом развитии, достижение быстрого роста за счет технических изменений было маловероятно. Очевидная альтернатива, учитывая подавляющее большинство крестьян среди населения страны, заключалась в более широком использовании человеческих ресурсов, мобилизуя крестьян участвовать в различных промышленных и общественных проектах путем реструктуризации работы и другие аспекты социальной организации, с целью ускорить темпы переброски сельскохозяйственного излишка из села в город. Экспериментальная коммуна была создана в Чайшане, в Хэнани в апреле 1958 г. Здесь впервые были полностью отменены частные участки и введены коммуны. На заседаниях Политбюро в августе 1958 г. было решено, что общины этих людей станут новой формой экономической и политической организации по всему сельскому Китаю. К концу года было создано около 25 000 коммун, в среднем по 5000 домохозяйств в каждой. Коммуны были относительно самодостаточными кооперативами, где заработная плата и деньги заменялись «трудоднями». Основываясь на своей работе, Р. А. Такстон – младший описывает народные коммуны как форму системы апартеида для китайских крестьянских хозяйств. Система коммун была нацелена на максимизацию производства для обеспечения городов и строительства офисов, фабрик, школ и систем социального страхования для городских рабочих, кадров и чиновников. Граждане в сельской местности,

которые критиковали систему, были помечены как «опасные». Побег также был трудным или невозможным, и те, кто пытался, подвергались организованной партией «общественной борьбе», что еще больше ставило под угрозу их выживание в условиях проведения кампании [2]. Помимо сельского хозяйства, коммуны также включили некоторые проекты легкой промышленности и строительства. Мао рассматривал производство зерна и стали в качестве ключевых опор экономического развития. Он прогнозирует, что в течение 15 лет после начала Большого скачка объем промышленного производства в Китае превзойдет объем промышленного производства в Великобритании. На августовских заседаниях Политбюро 1958 г. было решено, что производство стали будет удвоено в течение года, причем большая часть увеличения производства будет приходиться на сталелитейные печи на заднем дворе [3]. Были сделаны большие инвестиции в крупные государственные предприятия: 1587, 1361 и 1815 средних и крупных государственных проектов были начаты в 1958 г. 1959 г. и 1960 г., соответственно, больше в каждом году, чем в первой пятилетке [4]. Миллионы китайцев стали государственными работниками в результате этих промышленных инвестиций: в 1958 г. в несельскохозяйственные государственные ведомости было добавлено 21 млн человек, а общая занятость в штате достигла пика в 50,44 млн в 1960 г., что более чем удвоило уровень 1957 г.; городское население увеличилось на 31,24 млн человек. Эти новые работники сделали основной упор на систему продовольственного нормирования в Китае, что привело к увеличению и неустойчивому спросу на производство продовольствия в сельской местности [5].

Во время этого быстрого расширения пострадала координация, и нехватка материалов была частой, что привело к «огромному росту заработной платы, в основном для строителей, но не к соответствующему увеличению промышленных товаров» [6]. Перед лицом огромного дефицита правительство сократило

промышленный сектор. Инвестиции снизились с 38,9 до 7,1 млрд юаней с 1960 г. (снижение на 82 %; уровень 1957 г. составлял 14,4 млрд) [6]. Не имея личных знаний в области металлургии, Мао поощрял создание небольших стальных печей на заднем дворе в каждой коммуне и в каждом городском районе. Мао показал пример печи на заднем дворе в Хэфэй (провинция Аньхой), в сентябре 1958 г. [38]. Было заявлено, что подразделение производит высококачественную сталь. Крестьяне и другие рабочие прилагали огромные усилия для производства стали из металлолома. Для заправки печей местная среда была лишена деревьев и дров, которые делали из дверей и мебели крестьянских домов [9]. Кастрюли, сковородки и другие металлические конструкции были реквизированы, чтобы поставлять «лом» для печей, чтобы можно было достичь чрезвычайно оптимистичных показателей производства [9]. Многие мужчины, работающие в сельском хозяйстве, были отвлечены от сбора урожая, чтобы помочь в производстве железа, как и рабочие на многих фабриках, работники в школах и даже больницах. Хотя и продукция состояла из кусков чугуна низкого качества, которые имели незначительную экономическую ценность, Мао испытывал глубокое недоверие к интеллектуалам, которые могли на это указывать, и вместо этого верили в силу массовой мобилизации крестьян. Более того, опыт интеллектуальных классов после кампании «Сто цветов» заставил замолчать тех, кто осознавал глупость такого плана.

По словам его личного доктора Ли Чжисуйя, Мао и его окружение посетили традиционный металлургический завод в Маньчжурии в январе 1959 г., где Мао узнал, что высококачественная сталь может производиться только на крупных заводах с использованием надежного топлива, такого как уголь. Однако он решил не приказывать останавливать печи на заднем дворе, чтобы не ослабить революционный энтузиазм масс. Программа была тихо оставлена на много позже в этом же году. Значительные усилия были потрачены во время «Большого

скачка» на крупномасштабные, но часто плохо спланированные проекты капитального строительства, такие как ирригационные работы, построенные без участия обученных инженеров. Мао хорошо знал о человеческих издержках этих кампаний по сохранению воды. В начале 1958 года, слушая доклад об ирригации в провинции Цзянсу, он упомянул, что: У Чжипу утверждает, что он может перемещать 30 млрд кубометров; Я думаю, что 30 000 человек умрут. Цзэн Сишэн сказал, что он переместит 20 миллиардов кубометров, и я думаю, что 20 000 человек умрут. Вейцин обещает только 600 млн кубометров, может быть, никто не умрет [6; 37]. Хотя Мао «критиковал чрезмерное использование нарядов для крупномасштабных проектов по сохранению воды» в конце 1958 г. [10], массовая мобилизация на ирригационные работы продолжалась в течение следующих нескольких лет и унесла жизни сотен тысяч измученных и голодающих жителей деревни [17]. Жители Циншуй и Ганьсу называли эти «проекты полями смерти» [18]. Что касается коммун, ряд радикальных и противоречивых сельскохозяйственных инноваций были продвинуты по воле Мао. Многие из них были основаны на идеях дискредитированного советского агронома Трофима Лысенко и его последователей. Политика включала в себя плотную обрезку, при которой семена высевались гораздо плотнее, чем обычно, из – за неверного предположения, что семена одного сорта не будут конкурировать друг с другом [18]. Глубокая вспашка (до 2 метров в глубину) поощрялась из-за ошибочного убеждения, что это приведет к растениям с очень большими корневыми системами. Умеренно плодородная земля была оставлена без посадок с верой в то, что сосредоточение навоза и усилий на наиболее плодородной земле смогут привести к значительному увеличению производительности на акр. В целом, эти непроверенные инновации обычно приводили к снижению производства зерна, а не к росту [19].

Тем временем на местных лидеров оказывалось давление, чтобы они ложно сообщали о все более высоких показателях производства зерна своим политическим руководителям. Участники политических встреч вспомнили, как увеличивались производственные показатели, в 10 раз превышающие фактические объемы производства, так как усиливалась гонка, чтобы угодить начальству и заполучить похвалы. Например, возможность встретиться с самим Мао. Позже государство смогло заставить многие производственные группы продавать больше зерна, чем они могли сэкономить, основываясь на этих ложных данных о производстве [21]. По словам Мирского (советский и российский историк, востоковед и политолог) запрет на частные владения разрушил крестьянскую жизнь на самом базовом уровне. Сельские жители не могли обеспечить себе достаточное количество продовольствия, чтобы продолжать свое существование, потому что они были лишены системой общин своих традиционных средств аренды, продажи или использования своей земли в качестве залога для получения ссуд [22]. В одной из деревень, когда коммуна была введена в действие, начальник партии и его коллеги «погрузились в «маниакальные» действия, загоняя сельских жителей в поля, чтобы спать и работать там, и заставляя их выполнять дополнительные проекты, несмотря на их истощение и даже смерть от голода» [13].

Эдвард Фридман, политолог из Университета Висконсина, Пол Пикович, историк из Калифорнийского университета в Сан-Диего, и Марк Селден, социолог из Университета Бингемтона, написали о динамике взаимодействия между партией и сельскими жителями: «Помимо нападков, вне всякого сомнения, была системная и структурированная динамика социалистического государства, которая запугивала и обделяла миллионы патристических и лояльно настроенных сельских жителей» [42].

Авторы представляют аналогичную картину Такстона, изображающую разрушение коммунистической партией традиций китайских сельских жителей. По словам Мирского, традиционно ценившиеся местные обычаи считались признаками «феодализма». Среди таких традиций были похороны, свадьбы, местные рынки и фестивали. Таким образом, партия уничтожила многое, что придавало смысл жизни китайцев. Эти частные узы были социальным связующим звеном. Скорбеть и праздновать, значит быть человеком. Делить радость, горе и боль, все это делает человека человечнее [51]. Отказ от участия в политических кампаниях КПК, хотя цели таких кампаний часто противоречили друг другу, мог привести к задержанию, пыткам, смерти и страданиям целых семей [52].

Публичная критика часто использовались, для того чтобы запугать крестьян, не подчиняющихся местным кадрам [52].

Фрэнк Дикоттер (голландский историк, специализирующийся на современном Китае) пишет, что избиение палками было наиболее распространенным методом, используемым местными кадрами, и примерно половина всех кадров зачастую наказывали людей за невыполнение плана. Другие кадры применяли более жесткие способы, для того чтобы заставить людей не отставать от намеченного плана. Когда начался массовый голод, потребовались более жесткие меры, для того чтобы заставить истощенных людей работать на полях. В сильные морозы людей сутками могли заставляли работать или следить за полями [20]. Приблизительно от 6 до 8 % тех, кто погиб во время «Большого скачка», были замучены чрезмерной работой или убиты [13].

Бенджамин Валентино отмечает, что коммунистические чиновники иногда пытали и убивали тех, кто обвинялся в невыполнении своей квоты на зерно [7]. Тем не менее, Йозеф Грегори Махони, профессор гуманитарных и восточноазиатских исследований, сказал, что в стране было слишком много разнообразия и динамизма, чтобы одна работа могла захватить сельский Китай, как если бы это

было одно место. Махони описывает пожилого человека в сельской провинции Шаньси, который с любовью вспоминает Мао, говоря: «До Мао мы иногда ели листья, а после освобождения – нет». Несмотря на это, Махони указывает, что другие жители Шаньси вспоминают «Большой Скачок» как период голода и смерти, и среди тех, кто выжил, были именно те, кто мог переваривать листья [30]. Несмотря на все рискованные сельскохозяйственные инновации, погода в 1958 г. была очень благоприятной, а урожай обещал быть хорошим. К сожалению, количество рабочей силы, направляемой на производство стали и строительные проекты, означало, что большая часть урожая оставалась необработанной в некоторых районах. Эта проблема была усугублена разрушительным роем саранчи, который был вызван, когда их естественные хищники были убиты в рамках кампании по уничтожению «вредителей», то есть, воробьев.

Хотя фактические урожаи были сокращены, местные чиновники под огромным давлением со стороны центральных властей сообщать о рекордных числах урожая в ответ на инновации, конкурировали друг с другом, чтобы объявить все более преувеличенные показатели. Их отчеты использовались в качестве основы для определения количества зерна, которое должно быть взято государством для снабжения городов, а также для экспорта. В итоге это привело к тому, что крестьянам едва хватало зерна, а в некоторых районах начался голод. Засуха и наводнение в Хуанхэ в 1959 г. также способствовали голоду. В течение 1958–1960 гг. Китай продолжал быть крупным чистым экспортером зерна, несмотря на широко распространенный голод в сельской местности, Мао стремился сохранить «лицо» и убедить внешний мир в успехе его планов. В иностранной помощи было отказано. Когда министр иностранных дел Японии сказал своему китайскому коллеге Чэнь И о предложении в 100 000 т пшеницы, которое может быть вывезено, без привлечения внимания общественности, он

получил отказ. Джон Ф. Кеннеди также знал, что китайцы экспортировали продукты питания в Африку и на Кубу во время голода, и сказал, что у них нет никаких сведений от китайских коммунистов, что они будут приветствовать любое предложение помощи» [8].

С резким снижением урожайности даже городские районы получили значительно меньший рацион; однако массовый голод был в основном ограничен сельской местностью, где в результате резко завышенной статистики производства крестьянам оставалось очень мало зерна. Дефицит продовольствия был по всей стране, однако провинции, которые наиболее энергично приняли реформы Мао, такие как Аньхой, Ганьсу и Хэнань, пострадали намного больше. Считается, что Сычуань, одна из самых густонаселенных провинций Китая, известная в Китае как «Небесное зернохранилище» из-за его плодородия, понесла наибольшие потери. Число смертей от голода было одним из самых высоких по всей стране. Это было обусловлено огромной скоростью, с которой провинциальный лидер Ли Цзиньцюань проводил реформы Мао. Во время Большого скачка также имели место случаи каннибализма в тех частях Китая, которые сильно пострадали от голода [6].

Тяжелые страдания испытали и те, кто пережил голод. Писатель Ян Лянке, переживший «Большой скачок», выросший в Хэнане, так писал о голоде: «Я научился распознавать самые съедобные виды коры и глины. Когда все деревья были вырублены, и глины больше не осталось, я узнал, что куски угля также могут успокоить дьявола в животе, по крайней мере, на некоторое время» [9].

Сельскохозяйственная политика «Большого скачка» и связанного с этим голода продолжалась до января 1961 г., когда на девятом пленуме восьмого Центрального комитета было решено начать восстановление сельскохозяйственного производства путем отмены политики «Большого скачка».

Экспорт зерна был остановлен, а импорт из Канады и Австралии помог снизить влияние нехватки продовольствия, по крайней мере, в прибрежных городах. «Большой скачок» унес около 30 миллионов жизней и был самым сильным и ужасным голодом в истории Китая и в мировой истории [11]. Это было частично из-за большого населения Китая; в Великом ирландском голоде умерло приблизительно около 1 млн человек из 8 млн человек, или 12 %. Во время Великого китайского голода погибло около 30 миллионов человек из 600 млн человек, или 5 %.

Однако не все смерти во время «Большого скачка» были от голода. Фрэнк Дикоттер считает, что, по меньшей мере, 2,5 млн человек были убиты или замучены до смерти и от одного до трех миллионов человек покончили жизнь самоубийством [17]. Он приводит несколько наглядных примеров. В Синьяне, где в 1960 году погибло более миллиона человек, 6–7 % (около 67000) из них были избиты до смерти. В округе Даосьянь 10 % погибших были «похоронены заживо, забиты до смерти или иным образом убиты членами партии и их ополчением». В округе Шимен около 13 500 человек умерли в 1960 г., из них 12 % были «избиты или доведены до смерти» [11]. Согласно отчетам, зарегистрированным Ян Цзишэном, [50] люди могли быть избиты или убиты за бунт против правительства. Автор «Надгробия» также утверждает, что за сообщение о реальных цифрах урожая, за отказ сдать оставшуюся еду, за попытку покинуть область, где свирепствует голод, за попрошайничество или просто за кражу мусора человек также мог быть убит.

«Большой скачок» обратил вспять тенденцию к снижению смертности, которая началась с 1950 г. [29], хотя даже во время скачка смертность, возможно, не достигла уровня до 1949 года. Смертность от голода привела к сокращению населения Китая с 1960 – 1961 гг. [30]. Это был только третий раз за 600 лет, когда население Китая уменьшилось [43]. После «Большого скачка» показатели

смертности снизились до уровня, существовавшего до проведения кампании, и тенденция к снижению, начавшаяся в 1950 году, продолжилась [46].

Таким образом, провал сельскохозяйственной политики, перемещение крестьян, не имевших нужного опыта и квалификации, с сельскохозяйственных на промышленные работы, а также погодные условия привели к огромному количеству смертей от сильного голода. Экономика, которая улучшилась после окончания гражданской войны, была опустошена. Основная ошибка партии заключалась в отсутствии необходимых знаний для проведения таких крупных компаний. Не были осуществлены соответствующие исследования и анализ экономической ситуации внутри страны. Зачастую нехватку опыта и квалификации кадров на местах пытались заменить энтузиазмом масс, что также не давало положительного результата.

Воздействие на верхние уровни правительства в ответ на бедствие было комплексным: Мао в 1959 г. отстранил министра национальной обороны Пэн Дэхуая, затормозил временное продвижение по службе Линь Бяо, Лю Шаоци и Дэн Сяопина, а сам Мао потерял некоторую власть и престиж после «Большого скачка». Вся страна, возглавляемая Мао, на волне энтузиазма попыталась совершить очень сложную как с теоретической, так и с практической точек зрения кампанию, игнорируя экономические факторы. Итогом стало сворачивание «Большого скачка» в 1960 г. А также поиски решений для выхода из кризисной ситуации.

1.2 Анализ партийного курса в период кампании «Большой скачок»

Противоречия являлись одной из главных категорий философских идей Мао Цзэдуна. В 1956 г. Мао утверждал: «Я остановился на десяти пунктах. Эти десять взаимоотношений все являются противоречиями. Мир состоит из противоречий.

Если бы не было противоречий, не было бы и мира. Наша задача правильно решить эти противоречия» [51]. Мао Цзэдун считал, что социалистическое общество следует рассматривать с точки зрения противоречий. Таким образом, это позволило бы найти движущую силу его развития. Развивая свою теорию противоречий, лидер КПК пришел к заключению: социалистическое общество наполнено противоречиями, производственные отношения и производительные силы, надстройка и базис социалистического общества и соответствуют, и противоречат друг другу, а противоречия как раз и являются движущей силой развития социалистического общества. Эта теория во многом и побудила лидеров КПК начать кампанию «Большой скачок». Суть заключалась в том, что противоречия между пролетариатом и буржуазией уже ликвидированы, и появились противоречия между потребностями народа в создании индустриальной базы для развития и отсталой аграрной страной. То есть, классовые противоречия более не считались приоритетом. На первый план выходит противоречие в развитии производственных сил, а также в удовлетворении потребностей народа.

При изучении теории Мао Цзэдуна о главном противоречии социалистического общества важно, что в его понимании формулировка VIII-го съезда о противоречиях между передовым социалистическим общественным строем и отсталыми производительными силами могла привести к ошибочному выводу о забегании вперед производственных отношений перед уровнем развития производительных сил. Еще более важный момент связан с особенностями его взглядов. По мнению Мао Цзэдуна, основное общественное противоречие не следует искать в связях человека с природой и вещами, то есть в экономике. Наиболее важны общественные отношения, отношения между людьми, то есть политика. Мыслить об основном противоречии с точки зрения политики – таково было основное направление идей Мао Цзэдуна. Решение об изменении формулировки, принятое на 3-м пленуме 8-го созыва, было порождением именно

этих идей. В 1958 г. он предложил сосредоточить внимание партии и всего государства на работу по осуществлению технической революции и социалистическое строительство. Все это было продолжением и развитием линии, принятой Пленумом восьмого Национального съезда партии, и должно было служить ценным руководством к дальнейшему развитию страны. Лю Шаоци утверждал: «когда происходят проявления массового недовольства, хотя бы даже в них участвовали контрреволюционные элементы, необходимо их разрешать как внутренние вопросы среди народа. Сначала надо решить проблемы масс, чтобы массы успокоились, а затем решить проблемы контрреволюционных элементов» [33]. Чжоу Эньлай сказал, среди прочего, что подавляющее большинство китайских интеллектуалов стали интеллектуалами, принадлежащими к трудящимся, и что наука и техника будут играть ключевую роль в модернизации Китая [43].

В 1958 г. второй Пленум восьмого Национального съезда партии утвердил генеральную линию социалистического строительства. Линия и ее фундаментальные аспекты были правильными в том смысле, что она отражала насущный спрос масс на изменение экономической и культурной отсталости страны. Его недостатком было то, что он упускал из виду объективные экономические законы. Как до, так и после пленума все товарищи по партии и народы всех национальностей проявили большой энтузиазм и инициативу в отношении социализма и достигли определенных результатов в производстве и строительстве. Однако «левые» ошибки, характеризующиеся чрезмерными целями, выдачей произвольных указаний, «хвастовством» распространились по всей стране без контроля, что было связано с отсутствием опыта социалистического строительства и неадекватного понимания законов экономического развития, и основных экономических условий в Китае [29]. Более того, это было связано с тем, что Мао Цзэдун и многие ведущие товарищи по партии, как в центре, так и

на местах, стали чрезмерно уверенными в своих успехах, нетерпеливыми в получении быстрых результатов и переоценили роль субъективной воли и усилий человека. После того, как была сформулирована генеральная линия партии, основные тезисы кампании «Большой скачок», и движение в коммуны сельских жителей; данные инициативы были начаты без тщательного исследования и изучения, и без предварительных экспериментов. С конца 1958 г. на раннем этапе Лушанского заседания Политбюро ЦК партии по июль 1959 г. товарищ Мао Цзэдун и ЦК руководили всей партией, энергично исправляя ошибки, которые уже были признаны. Однако на более поздней части заседания он допустил серьезную ошибку, инициировав критику товарища Пэна Дехуаи, а затем развернул общепартийную борьбу против «правого оппортунизма» [32]. Резолюция, которая была принята восьмым пленарным заседанием восьмого Центрального комитета партии. Что касается, так называемой, антипартийной группы Пэн Дэхуая, Хуан Юншэна, Чжан Вэнь-тяня и Чжоу Сяочжоу, то гонения против них были совершенно неоправданными: политически эта борьба серьезно подорвала внутрипартийную демократию от центрального уровня до низовых партийных работников, экономически она оборвала процесс исправления «левых» ошибок, таким образом, продлевая их влияние, главным образом из-за ошибок в ходе кампании «Большого скачка» и борьбы с «правым оппортунизмом» вместе с чередой стихийных бедствий и неожиданным списанием контрактов Советским правительством [40]. Китайская экономика столкнулась с серьезными трудностями между 1959 – 1961 гг., которые нанесли серьезные потери стране и народу [20].

Зимой 1960 г. Центральный Комитет партии и товарищ Мао Цзэдун решили исправить «левые» ошибки в сельском труде и приняли решение о перенастройке, консолидации, заполнении и повышении стандартов производства для экономики. Ряд правильных реформ и решительных мер был разработан и осуществлен под

руководством Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чэнь Юня и Дэн Сяопина. Все это стало решающим поворотным моментом на этом историческом этапе [8]. В январе 1962 г. расширенная Центральная рабочая конференция, в которой приняли участие 7000 человек, подвела предварительные итоги положительного и отрицательного опыта «Большого скачка», развернувшейся критики и самокритики. Большинство товарищей, которых неоправданно критиковали в ходе кампании против «правого оппортунизма», реабилитировали до или после конференции. Кроме того, у большинства «правых» был удален данный ярлык. Благодаря этим экономическим и политическим мерам национальная экономика восстановилась и развивалась достаточно плавно в период с 1962 – 1966 гг.

Исследуя период «Большого скачка», можно сказать, что КПК не только смогла получить опыт руководства китайской революцией, строительством и реформами, но также извлекла уроки из своих серьезных ошибок, которые нанесли большие потери партии, государству и нации. Серьезные ошибки в основном относятся к ошибкам, совершенным в период с 1957 – 1976 гг., когда закончилась культурная революция. По словам Дэн Сяопина, КПК уже 20 лет занимается «левой» практикой. Он сказал, что за все два десятилетия доходы крестьян и рабочих выросли очень мало, а уровень их жизни был очень низким. Производительность сильно не развивалась. Но КПК не потеряла поддержку народа из-за своих ошибок. Как гласит китайская пословица: «Умный человек может смело исправить свои ошибки, глупец свои недостатки не смеет даже признать». Китайцы всегда терпимы к тем, кто совершает ошибки впервые. Они больше озабочены причинами ошибок и тем, какие решения принимаются после совершения ошибок. Они не будут уничтожать свои достижения или отрицать историю только из-за ошибок. Осознание и практика ответственности в КПК, которая по-настоящему разделяла богатство и горе с массами, и ответственное отношение партии, речь и действия лидеров КПК, показывающие, что у них есть

мужество признавать и исправлять ошибки, все это позволило завоевать понимание и поддержку широких народных масс.

В ноябре 1979 г., когда Дэн Сяопин встретился с Фрэнком Б. Гибни, заместителем председателя Комитета по компиляции Американской энциклопедии «Британикаинкорпорейшн», и Полом Т. К. Лином, директором Института Восточной Азии в канадском университете Макгилла, он указал, что, если бы они посетили страну в 1950-х, то они увидели бы, что социальный климат в Китае был очень хорошим [23]. В те трудные времена люди были очень дисциплинированными, подчиняя свои личные интересы коллективным, национальным и социальным интересам, охотно преодолевая трудности вместе со страной. Этот дух помог китайскому народу преодолеть трудные три года, начиная с 1959 г. [23].

Так, в отношении десятилетних достижений в строительстве, в том числе в период «Большого скачка», на шестом пленарном заседании одиннадцатого Центрального комитета КПК было отмечено, что в этот период была создана большая часть материально-технической базы, на которую они опирались для модернизации страны; экономическая и культурная основа строительства страны и связанный с ней опыт были в основном накоплены в этот период. Это был доминирующий аспект работы партии в этот период. Оглядываясь назад на двадцатилетние перипетии истории, Ху Шэн, бывший директор Центра изучения истории партии при ЦК КПК и бывший президент Китайской академии общественных наук, отметил в 1984 году, что если рассматривать предыдущие 35 лет, говоря, что они лишены каких-либо заслуг, а являются лишь скоплением ошибок, то это говорит лишь о том, что история истолкована неверно за эти 35 лет. Конечно, третье пленарное заседание одиннадцатого ЦК КПК было большим поворотным моментом, но этот поворотный момент произошел в результате прошлого развития производства. Таким образом, история с момента

основания страны отнюдь не была просто скоплением ошибок [33]. Ху Цяому, давний секретарь Мао Цзэдуна, также отметил, что за 20 лет «левых» ошибок в целом экономика страны все еще развивалась. Даже в течение десяти лет культурной революции были достигнуты достижения в области науки, техники и дипломатии. Именно все эти достижения позволили КПК объединить людей и получить их поддержку после ошибок и неудач.

Одна из важнейших причин, по которой КПК также сохранила поддержку народа, заключалась в том, что глава КПК Мао Цзэдун и другие лидеры вместе с массами боролись с трудностями. В трудный период для народного хозяйства ЦК КПК не скрывал ущерб, нанесенный стихийным бедствием, а рассказывал людям о сложных условиях, чтобы своевременно их преодолеть. Им потребовалось всего четыре года, чтобы преодолеть огромные трудности, вызванные экономическим спадом. Это было бы невысказимо без престижа КПК и Мао Цзэдуна среди людей [29].

Например, из-за финансовых трудностей в то время число рабочих, которые были набраны в ходе «Большого скачка» из сельской местности в города и их родственников, пришлось сократить, чтобы облегчить экономическое бремя государства в сфере снабжения. С начала 1961 г. по июнь 1963 г. в общей сложности было перемещено около 20 миллионов рабочих и служащих, и 26 миллионов городских жителей. Принимая во внимание общий интерес и понимание национальных трудностей, огромное количество рабочих, штатных сотрудников и кадров понимали проблему, и эта работа шла очень гладко. Как сказал премьер Чжоу Эньлай, эвакуация такого большого количества людей была эквивалентна перемещению страны среднего размера из одного места в другое. В Китае никакая другая сила не смогла бы этого достичь; только КПК имела массовую базу и поддержку для этого [7].

В ноябре 1979 г. на центральном собрании партийных, правительственных и военных кадров на уровне премьер-министров и выше Дэн Сяопин также отметил: «Оглядываясь назад на 1958 – 1959 гг., партия совершила так много «левых» ошибок, что национальная экономика столкнулась с большими трудностями ... Она также направила 20 млн рабочих и служащих для работы на «нижнем» уровне и закрыла некоторые предприятия. Как это могло быть сделано в то время? Как тогда КПК могла относительно плавно регулировать национальную экономику? Партия была близка к массам, и престиж партии был относительно высок среди них: она объясняла людям трудности, разъясняла правду массам и делала много работы. Отправка 20 миллионов человек для работы на местах [5]. Одного авторитета и силы было бы недостаточно. Этого нельзя было бы сделать, если бы у партии и правительства не было очень высокого уровня поддержки среди населения» [5].

В августе 1985 г., разговаривая с Робертом Мугабе, премьер-министром и президентом Африканского национального союза Зимбабве, Дэн Сяопин вновь подчеркнул, что в течение трех трудных лет, с 1959 – 1961 гг., партия и председатель Мао Цзэдун пользовались очень высоким авторитетом, сформировавшимся в течение долгого времени. Это была история борьбы. Они рассказали людям о сложной ситуации правдиво. Лозунг «Большой скачок» больше не выкрикивался, и была принята более реалистичная политика, а также были приняты соответствующие процедуры и методы [5]. В 1962 г. страна начала выходить из сложной ситуации, а в 1963 г. и 1964 г. ситуация была относительно лучше. В трудный период для народного хозяйства жизнь людей была очень сложной. Мао Цзэдун и другие центральные лидеры чувствовали, что должны испытать это лично, поэтому они взяли на себя инициативу в затягивании поясов, чтобы преодолеть трудности вместе с народом. 9 ноября 1960 г. ЦК КПК дал указание по вопросу поставок в соответствии с естественными потребностями

старших кадров и интеллигенции. В инструкции требовалось, чтобы в соответствии с новыми правилами поставки и в соответствии с потребностями объем был установлен меньшим, а стандарт стал более низким. Объем рассмотрения вопроса о поставках непродовольственных товаров в соответствии с такими особыми условиями следует определять более щедро в пользу беспартийных патриотических деятелей и высокопоставленных представителей интеллигенции, но более строго для кадров внутри партии [9]. Таким образом, лидеры партии стремились предотвратить процесс, при кадры могли бы оторваться от жизни простого народа. Если бы кадры жили особой жизнью и отрезали бы себя от масс, отношения между партией и массами были бы разрушены, что мешало бы партии побуждать массы преодолевать трудности и голод. В противном случае, по мнению высокопоставленных членов КПК, в долгосрочной перспективе коррозионное воздействие на мышление кадров было бы неизбежным.

При реализации этого регламента стандарты поставок первой категории: для заместителей председателя, заместителей премьер-министра, заместителей председателя комиссии по национальной обороне, заместителей председателя Китайской народной политической консультативной конференции (КНПКК), президента Верховного Народного суда и главного прокурора Верховной народной прокуратуры, – пол килограмма мяса в день, три килограмма яиц, один килограмм сахара и две коробки сигарет класса «А» в месяц для каждой семьи. Стандарты поставок второй категории – для членов комитетов Национального народного конгресса (НКП) и Народного политического консультативного совета (НПКСК), министров и заместителей министров, директоров и заместителей директоров различных министерств и комиссий Госсовета, вице-президента Верховного народного суда, заместителя главного прокурора Верховной народной прокуратуры, заместителей генерального секретаря ВСНП и КНПКК,

председателей и заместителей председателей некоммунистических партий и персонала первого класса среди высокопоставленных представителей интеллигенции в Пекине – было два килограмма мяса, один килограмм сахара, две коробки сигарет класса «А» и полтора килограмма яиц на каждого человека каждый месяц. В случае порчи товаров, продовольствия будет поставлено меньше, и если бы какой-либо товар отсутствовал, то его поставка отменялась вообще [37].

Чтобы показать пример, сам Мао Цзэдун перестал есть свою любимую тушеную свинину. В течение трех трудных лет Мао Цзэдун провел три празднования дня рождения. Судя по сохранившимся рецептам, ликера, праздничного торта не было, и не было видно ни малейшей атмосферы радости и веселья [7]. 26 декабря 1962 г. исполнилось 69 лет со дня рождения Мао Цзэдуна. Вечером он поужинал миской каши. За завтраком Мао пригласил своих сотрудников поесть вместе с ним: тушеные побеги бамбука с соусом чили, жареные креветки, карп из белого соуса, восковые тыквенные шарики, обжаренные с куриным жиром, и жареный салат [6].

В то же время Мао Цзэдун снизил собственную зарплату с 600 юаней до 450 юаней, для кадров первого уровня до 404,8 юаней в месяц, для кадров третьего уровня до 350 юаней в месяц. Это не изменилось до его смерти в 1976 г. [20]. Во главе с Центральным Комитетом КПК и Мао Цзэдуном 11 сентября 1960 г. ведущие партийные группы Госплана и Министерства труда представили в Центральный Комитет КПК «Отчет». Отчет был по вопросам текущей организации труда и заработной плате рабочих и служащих, в котором говорится, что в соответствии с инструкциями недавнего заседания Секретариата ЦК КПК с целью дальнейшего сокращения разрыва в заработной плате и, способствуя более тесным отношениям между лидерами и массами, они выдвинули следующие предложения относительно сокращения существующих

стандартов заработной платы для высших государственных органов партии. Заработная плата на уровнях «один», «два» и «три» будет снижена на 12 %; уровень «четыре» на 10 %; уровень «пять» на 8 %; уровень «шесть» на 6 %; уровень «семь» на 4 %; уровень «восемь» на 2 %; и уровни с «девяти» до «семнадцати» на 1 % [20]. Заработная плата партийных кадров на предприятиях и в учреждениях, эквивалентная уровню «семнадцать» государственных органов, должна быть аналогичным образом уменьшена. Заработная плата партийных кадров на военной службе должна была быть соответственно уменьшена. Заработная плата для беспартийных кадров не будет снижена [18].

26 сентября 1960 г. ЦК КПК распространил инструкции ведущих партийных групп Госплана и Министерства труда, выразив уверенность в том, что различные меры, предложенные в отчете, были правильными, надеясь, что реализация будет осуществлена немедленно. Предлагая постепенно уменьшить заработную плату руководящих партийных кадров в течение следующих нескольких лет, чтобы сократить разрыв между высокой и низкой заработной платой, КПК стремилась облегчить задачу побуждения масс к труду и созиданию новой и трудолюбивой нации.

Что касается этого периода истории, Дэн Сяопин отметил, что политическая «левая» тенденция привела к экономическому «Большому скачку» в 1958 г., в результате которого производство сильно пострадало, а люди живут в нищете. В очень трудные три года 1959 г., 1960 г. и 1961 г. людям не хватало даже еды. В 1962 г. жизнь людей стала налаживаться и постепенно достигла своего первоначального уровня. Но «левый» менталитет сохранился и привел к катастрофической культурной революции, которая началась в 1966 г. и продолжалась в течение десятилетия.

Как утверждал Дэн Сяопин, «Большой скачок» был катастрофой: политически кампания путала друга с врагом, многие люди были несправедливо, ложно

обвинены или осуждены; с экономической точки зрения он осудил «доктрину важности производительных сил», а национальный доход потерял 500 млрд юаней; в культурном плане это привело к «увяданию сотни цветов» (на сцене было создано и исполнено только восемь опер), а образование, наука и техника понесли большие потери. Десятилетнее бедствие расширило экономический, научный, культурный, образовательный разрыв между Китаем и развитыми странами [23].

Большой скачок и культурная революция принесли огромные потери партии, государству и нации, и их уроки были глубокими. Изучая «Большой скачок» и «Культурную революцию», а также ошибки, допущенные в этот период, и размышляя над ними, люди могли прийти к разным выводам, но с точки зрения независимого исследования КПК своего собственного пути к социалистическому строительству, эти два движения имели кое-что общее, то есть, они отражали серьезное отклонение субъективного знания от объективной реальности и эффекта от мотива. Стоит отметить также тот факт, что столкнувшись с серьезными экономическими трудностями, китайский народ проявил героический дух независимости и самостоятельности. Большое количество образцовых личностей появилось во всех сферах жизни. Среди них был секретарь окружной партии, который отдавал все свои силы, пока его сердце не перестало биться, нефтяник, известный как «Железный человек», который не боялся трудностей, самостоятельные члены крестьянской партии и массы, которые делали новаторскую работу с огромными усилия и самоотдачей, и солдаты НОАК, которые были самоотверженными и посвятили себя служению людям от всего сердца [51]. Появление этих образцов для подражания вдохновило народный энтузиазм присоединиться к строительству своей новой страны.

На протяжении всей своей истории китайское общество развивало коллективный менталитет, в котором общины – от самой маленькой семьи до

страны в целом – разделяли горе и радость. Если семья сталкивается с трудностями, пара и их родственники решают их совместно; если бы страна была в беде, люди с высокими идеалами отдали бы своей Родине все, что могли. Древний китайский исторический труд «Интриги воюющих государств: стратегии Яна» рассказывает, как принц Яна лично присутствовал на свадьбах и похоронах каждой семьи, делясь счастьем и страданиями со своим народом. В конце концов, под его руководством государство стало процветающим, и его люди были обеспечены, и самого Яна широко уважали. Таким образом, несмотря на изменения партийного курса, внутрипартийные противоречия и серьезные ошибки; КПК смогла сохранить поддержку народу, не оторвалась от масс, предотвратила «коррозию» кадров и смогла впоследствии исправлять свои политические и экономические просчеты. А практика, при которой КПК и его лидеры разделяли с народом свои победы и неудачи, была ключом к завоеванию общественного доверия и поддержки. Таким образом, партийные лидеры сумели сохранить поддержку масс и ориентировать массы, согласно своему курсу, на новые изменения в политическом направлении.

1.3 Оценка Мао Цзэдуна как лидера партии

За ошибки в ходе «Большого скачка» Мао Цзэдун вызвался взять на себя личную ответственность. На центральной рабочей конференции, состоявшейся в начале 1962 г., в которой приняли участие в общей сложности около 7000 человек, включая руководящих работников ЦК КПК и его различных департаментов, центральных бюро, провинций, муниципалитетов, префектур и округов, а также как кадры, отвечающие за ряд важных заводов и шахт, Мао сказал: «Я несу ответственность за все прямые ошибки, допущенные ЦК, и разделяю ответственность за косвенные, потому что я являюсь председателем

Центрального комитета. Я не хочу, чтобы другие уклонялись от своих обязанностей. Некоторые другие товарищи также должны нести ответственность, но я буду первым, кто сделает это» [27]. Когда совершались серьезные ошибки во время исследования правильного пути к социализму, КПК не пытался скрыть правду, но открыто признавал, размышлял и исправлял ошибки и учился на них.

После конференции председатель Лю Шаоци проинформировал некоммунистических партийных демократов о существенных моментах конференции, указав, что КПК должен нести ответственность за просчеты и ошибки, допущенные в ходе кампании «Большого скачка» (в предыдущие несколько лет), и главная ответственность должна лежать на Центральном комитете КПК [33]. Премьер Чжоу Эньлай от имени Госсовета самокритично отнесся к проблемам в работе правительства. Вдохновленные честной и откровенной позицией КПК, выражающей искреннюю готовность признать и исправить ошибки, различные некоммунистические партии, демократические кадры без партийной принадлежности выразили готовность помогать друг другу и объединяться, чтобы преодолеть трудности вместе с КПК. Мао никогда не забывал уроки «Большого скачка». Вспоминая этот болезненный опыт, он предупредил, что об этих уроках следует помнить и постоянно сообщать людям. С фундаментальным улучшением национальной экономики в 1965 г. некоторые лидеры стали чрезмерно оптимистичными. Но Мао предупредил их: «Учитывая прошлый опыт, спешка все тратит впустую, поэтому мы могли бы также постараться достичь наших целей понемногу и медленно. Я думаю, что все хотели бы сделать много, и вы также хотели бы сделать много. Мы не имеем права собирать с людей слишком много налогов на зерно. В противном случае мы с ними поссоримся. Это принципиальный вопрос. Мы должны делать вещи в соответствии с объективными возможностями, которые не должны быть превышены. Мы должны оставить некоторое пространство в соответствии с

объективными возможностями. У нас не будет выхода, если мы оторвемся от простых людей» [27].

Что касается того, как относиться к ошибкам «Большого скачка» и роли председателя Мао в этих ошибках, Дэн Сяопин произнес две речи на ранней фазе реформы и эпохи открытия. В феврале 1980 г. он указал: «Не создавайте впечатление, что только один человек ошибался. Я имею право говорить это, потому что допустил ошибки ... В 1958 г. мы были слишком оптимистичны. Я боюсь, многие старые товарищи здесь были слишком оптимистичны. Проблема не касалась только одного человека» [27]. В апреле 1980 г. в беседе с товарищами по Центральному комитету Дэн сказал: «Во время большого скачка товарищ Мао Цзэдун стал чрезмерно оптимистичным, но как насчет остальных из нас? Товарищи Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и я не возражали, товарищ Чэнь Юнь не высказался. По этим вопросам мы должны быть справедливыми. Не создавать впечатление, что все другие люди были правы, и только один человек допустил ошибки. Когда Центральный Комитет ошибся, виноват коллектив» [27].

Практика активного признания ошибок, взятия на себя обязанностей и извлечения уроков из ошибок со стороны руководителей ЦК КПК не повредила их имиджам, но приобрела понимание и поддержку масс. Когда культурная революция закончилась, ЦК КПК начал наводить порядок. Резолюция по некоторым вопросам в истории КПК со времени основания Китайской Народной Республики полностью отвергла культурную революцию как серьезную ошибку и в то же время четко указала, что Мао Цзэдун также должен нести ответственность за эти ошибки.

Неудача – мать успеха. Китайцы всегда умеют считать ошибку учителем правильных действий. Признавая, что Мао Цзэдун допустил некоторые ошибки, ЦК КПК также правильно оценил его достижения, установив два вида неправильных тенденций мышления, которые либо полностью подтверждали,

либо отрицали достижения Мао. Хуан Кечен, который подвергся гонениям в течение 20 лет, после возвращения на работу отметил: «Некоторые товарищи использовали много крайних слов, чтобы прокомментировать председателя Мао. Я не думаю, что это правильно. Эта практика абсолютно противоречит фактам и очень неблагоприятна для нашей партии и людей. Понятно, что некоторые товарищи, особенно те, кто подвергся критике или гонениям, питали негодование. Вы все знаете, что в годы председательствующего Мао я тоже испытывал некоторые трудности, но я думаю, что не следует поддаваться влиянию личных чувств и эмоций по такому жизненно важному вопросу. Мы можем рассматривать этот вопрос только с точки зрения фундаментальных интересов всей партии и страны, основные интересы одного миллиарда людей, и те самые практики, которые полезны для наших будущих поколений и способствуют делу социалистической революции. В последние годы Председатель Мао был широко признан как лидер нашей партии и страны, а также стал символом китайской революции. Это соответствует реальности» [14]. Эта речь оказала большое влияние на правильное понимание Мао Цзэдуна в контексте истории. 21 и 23 августа 1980 г. Дэн Сяопин дважды встречался с итальянской журналисткой Орианой Фаллачи и отвечал на ее вопросы. Говоря о своей оценке Мао, Дэн отметил, что достижения председателя Мао должны стоять на первом месте, а его ошибки – на втором; он был главным основателем КПК и Китайской Народной Республики. «То, что он сделал для китайского народа, нельзя отрицать», – сказал Дэн. «С точки зрения наших чувств, мы всегда будем отмечать его как основателя нашей страны [14]; Много раз он спасал партию и страну от кризисов. Без него, по крайней мере, нам пришлось бы гораздо дольше пробираться в темноте» [14]. В процессе разработки «Резолюции по некоторым вопросам в истории КПК после основания Китайской Народной Республики» Дэн отметил: «Во многих областях нам все еще нужно делать то, что

было выдвинуто, но не сделано товарищем Мао Цзэдуном, чтобы исправить то, что ему было неправильно противопоставлено, и сделать хорошо то, что он не сделал хорошо. Мы будем делать это в течение длительного периода времени в будущем. Конечно, у нас тоже есть свое развитие. Мы будем продолжать» [14].

24 марта 1989 г. Ху Цяому, бывший секретарь Мао Цзэдуна и бывший член Политбюро ЦК КПК, по приглашению американского физика профессора Ли Чжэндао посетил Соединенные Штаты. В Калифорнийском технологическом институте Ху выступил с речью под названием «Почему Китай допустил двадцатилетнюю «левую» ошибку?» Название речи произошло после его тщательного рассмотрения и изучения истории данного периода. С одной стороны, это показало, что Китай не только практически вышел из «левой» тени, но и исключил последующее вмешательство более «левых» ошибок; с другой стороны, это продемонстрировало, что у КПК было достаточно теоретической смелости, чтобы признать свои ошибки и недостатки, и достаточно теоретической мудрости, чтобы исследовать новый путь развития.

Постоянное преследование истины и исправление ошибок позволяют партии завоевать общественную поддержку и стать непобедимыми. Мао Цзэдун указывал: «Если у нас есть недостатки, мы не боимся, чтобы их указывали и критиковали, потому что мы служим людям ... Если, в интересах людей, мы настойчиво делаем то, что правильно, и исправляем то, что неправильно, наши ряды, несомненно, будут процветать» [14]. В 1962 г. он сказал: «Если мы допустили ошибки ... Я думаю, нам не следует их бояться. Наша позиция такова: отстаивать истину и исправлять ошибки по мере их возникновения» [27]. В 1965 г. Дэн Сяопин также отметил: «Если не будет духа критики и самокритики, мы не будем обобщать опыт и исправлять ошибки во времени; мы не будем использовать правильный и неправильный, позитивный и негативный опыт для обучения кадров. Члены партии и массы. Товарищ Мао Цзэдун всегда учил нас,

что нет партий, людей или масс, которые не делают ошибок, и дело в том, что мы должны обобщать опыт и анализировать нашу работу в духе критики и самоконтроля» [27]. То, что говорили Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, типично для когнитивной традиции и образа мышления китайского народа при обработке ошибок. Они всегда думали, что золото не может быть абсолютно чистым, а человек не может быть абсолютно совершенным; поскольку все люди не мудрецы, они не могут быть свободны от ошибок. Даже чистое золото имеет недостатки; даже мудрецы делают ошибки. В последней главе «Аналогов Конфуция» есть поговорка: «Ошибки джентльмена подобны затмениям солнца и луны; если кто-то совершит ошибку, все увидят ее, но если он исправит ее, все будут уважать его». Практика, согласно которой КПК не пытается скрыть свои ошибки, но исправляет их незамедлительно, соответствует китайскому критерию оценки «ошибки джентльмена». Поэтому нетрудно понять, почему КПК по-прежнему пользуется поддержкой масс.

«Отстаивание правды и исправление ошибок по мере их возникновения» останется рабочим отношением, методом и убеждением, которых КПК должна придерживаться, чтобы сохранить доверие людей к будущему процессу реформ и развития.

Благодаря тому, что вся партия и народ сконцентрировались на правильном принципе экономической перестройки, начиная с зимы 1960 г. социалистическое строительство постепенно вновь перешло в стадию развития. Партия и народ были едины в том, что делили блага и горе. Третий Национальный народный конгресс, который проводился в период с конца 1964 г. по первые дни 1965 г., объявил, что задача перестройки народного хозяйства в основном выполнена и что экономика в целом вскоре вступит в новый этап развития. Он призвал к активным усилиям по постепенному превращению Китая в социалистическую державу с современным сельским хозяйством, промышленностью, национальной

обороной и наукой и техникой. Этот призыв не был выполнен из-за «культурной революции». Таким образом, можно прийти к выводу, что несмотря на ошибки, допущенные Мао Цзэдуном в ходе кампании «Большой скачок» в сознании китайского народа он остался символом китайской революции, основателем КПК и лидером нации. Все это было обусловлено позицией, которой придерживался сам Мао и другие видные лидеры КПК: признание своих ошибок и стремление к их исправлению. Немалую роль сыграл и такой фактор, как правильное осмысление своей истории. Оглядываясь назад, китайский народ не представляет Мао как тирана и не перекладывает всю вину на него одного. Не отрицая его просчетов, люди помнят также о его успехах и новаторских идеях по трансформации аграрной страны в ведущую индустриальную державу. Эти факторы обуславливают тесную связь КПК с массами, которая и помогает партии преодолевать трудности, осуществлять смелые реформы, как в прошлом, так и в настоящем.

Вывод по первой главе:

Подводя итог можно сказать, что период кампании «Большой скачок» является очень важным и показательным в истории Китая и КПК. Сама кампания ставила своей целью достигнуть очень высоких показателей в кратчайшие сроки. С одной стороны, концепция была правильной. Но реализация таких грандиозных планов была невозможна без огромного количества специалистов и подготовленных кадров. Все это обернулось огромными людскими и экономическими потерями для государства. Важно заметить, что несмотря на ошибки, допущенные в ходе реализации кампании со стороны КПК. Партия не потеряла поддержку масс. Данный факт был обусловлен высоким престижем лидера партии Мао Цзэдуна. Также сыграл и фактор того, что несмотря на серьезные ошибки и просчеты лидеры партии не только не скрывали правду, но и сами были инициаторами исправления ошибок. Такой подход завоевал уважение со

стороны народа, а лидерам позволил энергично исправлять ошибки и менять курс своей политики без возникновения серьезных социальных напряжений.

2 ПЕРИОД «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

2.1 Причины и начало «Культурной революции»

Одной из причин послужили отношения СССР И Китая в период и после кампании «Большой скачок». В начале 1950-х гг. Китайская Народная Республика и Советский Союз были двумя крупнейшими коммунистическими государствами в мире. Хотя изначально они оказывали взаимную поддержку, разногласия возникли после смерти Иосифа Сталина и прихода к власти в Советском Союзе Никиты Хрущева. В 1956 г. Хрущев осудил Сталина и его политику и начал проводить постсталинские экономические реформы. Мао и многие члены Коммунистической партии Китая (КПК) выступили против этих изменений, полагая, что они будут иметь негативные последствия для всемирного марксистского движения, среди которых Сталин все еще считался героем [42].

Мао Цзэдун предполагал, что Н. С. Хрущев отошел от марксизма-ленинизма, а вместо этого оказался ревизионистом, изменяя свою политику от основных марксистско-ленинских концепций, чего боялся Мао, что позволило бы капиталистам вернуть контроль над страной. Отношения между двумя правительствами испортились. СССР отказался поддержать инициативу Китая о вступлении в Организацию Объединенных Наций и вернул свое обещание предоставить Китаю ядерное оружие [50].

Мао продолжил публично осуждать ревизионизм в апреле 1960 г. Не указывая пальцем на Советский Союз, Мао подверг критике своего идеологического

союзника – Лигу коммунистов Югославии. В свою очередь, СССР подверг критике союзника Китая Партию труда Албании [10]. В 1963 г. КПК начала открыто осуждать Советский Союз, публикуя девять полемик против его предполагаемого ревизионизма, причем одна из них была озаглавлена «Китайский коммунизм и исторические уроки для мира», в котором Мао заявил, что Хрущев был ревизионистом. Также увеличилась опасность восстановления капитализма [40]. Падение Хрущева после внутреннего переворота в 1964 г. также способствовало опасениям Мао относительно его собственной политической уязвимости, особенно из-за падения его авторитета среди его коллег после проведения «Большого скачка» [41].

Другой причиной была политика кампании «Большой скачок». «Большой скачок» был экономическим провалом. Необразованные крестьяне пытались производить сталь в больших масштабах, полагаясь на печи на заднем дворе для достижения производственных целей, установленных местными кадрами. Выпускаемая сталь была низкого качества и практически бесполезна [41]. «Большой скачок» привел к уменьшению размеров урожая и привел к снижению производства большинства товаров, кроме некачественного чугуна и стали. Кроме того, местные власти часто преувеличивали производственные показатели, скрывая и усиливая проблему в течение нескольких лет [23]. Тем временем хаос в коммунах, плохая погода и экспорт продуктов питания, необходимых для обеспечения твердой валюты, привели к Великому китайскому голоду. Еда была в огромном дефиците, и производство резко упало. Голод вызвал гибель млн людей, особенно в более бедных внутренних районах [1].

Провал «Большого скачка» снизил престиж Мао в партии. Взяв на себя основную ответственность, в 1959 г. Мао подал в отставку с поста председателя Китайской Народной Республики, главы китайского государства де-юре, и его сменил Лю Шаоци. В июле высокопоставленные партийные лидеры собрались на

горе Лу, чтобы обсудить политику. На конференции министр обороны маршал Пэн Дехуай раскритиковал политику «Большого скачка». В частном письме к Мао, написав, что кампания страдает от неумелого руководства и предостерегая от поднятия политической догмы над законами экономики [3]. Несмотря на умеренный тон письма, Мао воспринял это как личную критику своего руководства [8]. После конференции Мао снял с должности Пэна Дехуайи и обвинил его в том, что он «оппортунист». На смену Пэна Дехуайи пришел Линь Бяо, еще один авторитетный генерал, который позже стал более убежденным сторонником Мао. В то время как конференция в Лушане послужила «смертельным» звеном для карьеры Пэна Дехуайи, самого громкого критика Мао, она привела к смене власти прагматиками во главе с Лю Шаоци и Дэн Сяопином, которые после 1959 года взяли на себя эффективный контроль над экономикой [3].

К началу 1960-х гг. многие из экономических политик «Большого скачка» были отменены инициативами, возглавляемыми Лю Шаоци, Дэном Сяопином и Чжоу Эньлаем. Эта умеренная группа прагматиков без энтузиазма относилась к утопическим видениям Мао [3]. К 1962 г., в то время как Чжоу Эньлай, Лю Шаоци и Дэн Сяопин управляли делами государства и экономики, Мао фактически отказался от принятия экономических решений и сосредоточил большую часть своего времени на дальнейшем рассмотрении его вклада в марксистско-ленинскую социальную теорию, включая идею «непрерывной революции» [46]. Мао стремился восстановить свой образ коммуниста и личный престиж в партии.

Таким образом, культурная революция, формально Великая пролетарская культурная революция, была общественно-политическим движением. Начатой Мао Цзэдуном, тогдашним председателем Коммунистической партии Китая. Стоит отметить: ее заявленная цель состояла в том, чтобы сохранить китайский коммунизм путем чистки остатков капитализма и традиционных элементов

китайского общества, и вновь вернуть идеи Мао Цзэдуна (известные за пределами Китая как маоизм) как доминирующую идеологию в партии [44]. Революция ознаменовала возвращение Мао на руководящую должность после провала его политики «Большого скачка». Движение парализовало Китай политически и в значительной степени негативно сказалось как на экономике, так и на обществе страны. Движение было основано в мае 1966 г. после того, как Мао заявил, что буржуазные элементы проникли в правительство и общество в целом, стремясь восстановить капитализм. Чтобы устранить своих соперников в Коммунистической партии Китая (КПК), Мао настаивал на том, чтобы ревизионисты были устранены посредством насильственной классовой борьбы. Молодежь Китая ответила на призыв Мао, сформировав группы «хунвэйбинов» по всей стране. Движение распространилось на военных, городских рабочих и само руководство Коммунистической партии [49]. Это привело к широко распространенным вооруженным столкновениям между консервативными и радикальными группировками во всех сферах жизни, в результате открытого призыва Мао «всесторонней гражданской войны» против консерваторов [50]. В высшем руководстве это привело к массовой чистке высокопоставленных чиновников, чистки также коснулись Лю Шаоци и Дэн Сяопина. В тот же период культ личности Мао вырос до огромных размеров.

В ходе ожесточенной борьбы по всей стране млн людей подвергались преследованиям и широкому кругу злоупотреблений, в том числе публичному унижению, произвольному тюремному заключению, пыткам, каторжным работам, постоянным преследованиям, захвату имущества и иногда казни. Значительная часть населения была насильственно перемещена, особенно это коснулось перемещения городской молодежи (получившая или получающая высшее образование) в сельские районы во время движения «деревня окружает города».

Исторические реликвии и артефакты были разрушены, а культурные и религиозные объекты были разграблены [32].

Мао Цзэдун официально объявил, что Культурная революция закончилась в 1969 г., но ее активная фаза продолжилась после смерти преемника Мао Линь Бяо в 1971 г. [48]. После смерти Мао и ареста Банды четырех в 1976 г. реформаторы во главе с Дэном Сяопином постепенно начали демонтировать маоистскую политику, связанную с культурной революцией [35]. В 1981 г. партия заявила, что культурная революция несет ответственность за самые серьезные неудачи и самые тяжелые потери, понесенные партией, страной и народом с момента основания Народной республики [1]. Таким образом, одной из главных причин начала культурной революции была потеря престижа лидера партии Мао Цзэдуна, а также его боязнь, что изменения в политике партии приведут к ревизионизму, а в будущем, возможно, и к восстановлению капитализма.

2.2 Внутрипартийная борьба в период «Культурной революции»

Мао подготовил почву для культурной революции, «очистив» партию от влиятельных чиновников, базировавшихся в Пекине. Его подход был менее чем прозрачным, достигая этой чистки через газетные статьи, внутренние встречи и умело используя его сеть политических союзников [10]. В конце 1959 г. историк и заместитель мэра Пекина У Хань опубликовал ряд статей про средневекового чиновника Хай Жuye. В статьях честный государственный служащий Хай Жuye уволен коррумпированным императором. В то время как Мао Цзэдун первоначально хвалил пьесу, в феврале 1965 г. он тайно поручил своей жене Цзян Цин и шанхайскому пропагандисту Яо Вэньюаню опубликовать статью, критикующую ее [11]. Я. Вэньюань смело утверждал, что Хай Жуй был

аллегорией, относящейся к Мао Цзэду; то есть Мао был коррумпированным императором, а Пэн Дэхуай был честным государственным служащим [39].

Статья Яо Вэньюаня поставила мэра Пекина Пэн Чжэня в непростую ситуацию. Пэн Чжэнь, влиятельный чиновник и непосредственный начальник У Ханя, был главой «группы пяти», комитета, назначенного Мао Цзэдуном для изучения потенциала культурной революции. Пэн Чжэнь понимал, что он был бы замешан, если У Хань действительно написал статьи «против Мао Цзэдуна». Статья Яо первоначально была опубликована только в некоторых местных газетах. Пэн Чжэнь запретил его публикацию в общенациональной «Народной ежедневной газете» и других крупных газетах, находящихся под его контролем, и поручил им писать исключительно об «академических дискуссиях», а не прислушиваться к «мелкой» критике Вэньюаня [44].

В то время как «литературная битва» против Пэн Чжэня была в самом разгаре, Мао уволил Ян Шанкуня – директора генерального офиса партии, органа, который контролировал внутренние коммуникации, – по ряду необоснованных обвинений, установив вместо него верного и лояльного сторонника Ван Дунсина, главу службы безопасности Мао [48]. Увольнение Я. Шанкуня, вероятно, подтолкнуло союзников Мао к действиям против своих фракционных соперников [28]. В декабре министр обороны и сторонник Мао Линь Бяо обвинил генерала Ло Жуйцина, начальника штаба Народно – освободительной армии (НОАК), в том, что он выступает против политики Мао, утверждая, что Ло Жуйцин уделял слишком много внимания политической подготовке, а не «маоистской политической дискуссии». Несмотря на первоначальный скептицизм в политбюро в отношении вины Ло Жуйцина, Мао настаивал на «расследовании», после чего Ло Жуйцин был осужден и уволен. Стресс от событий привел Ло Жуйцина к попытке самоубийства. Удаление Ло Жуйцина обеспечило абсолютную лояльность военного командования к Мао [15].

Уволив Л. Жуйцина и Я. Шанкуня, Мао обратил свое внимание на Пэн Чжэня. 12 февраля 1966 г. «группа пяти» опубликовала отчет, известный как «Февральский план». План, одобренный партийным центром, определил Хай Жуи как «конструктивное научное обсуждение» и был направлен на то, чтобы формально дистанцировать Пэн Чжэня от любых политических последствий. Однако Цзян Цин и Яо Вэньюань продолжали кампанию по дискредитации У Ханя и Пэн Чжэня. Тем временем Мао Цзэдун также уволил директора департамента пропаганды Лу Диньи, союзника Пэн Чжэня. Удаление Лу дало маоистам неограниченный доступ к прессе. Мао нанес свой последний удар Пэн Чжэню на встрече Политбюро через сторонников Кан Шэна и Чена Боду. Они обвинили Пэн Чжэня в противодействии Мао, назвали «Февральский план» доказательством «ревизионизма» Пэн Чжэня и сгруппировали его с тремя другими опальными должностными лицами [47]. 16 мая Политбюро формализовало решения, выпустив официальный документ, осуждающий Пэн Чжэня и его «партийных союзников» самым решительным образом, распустив его «группу пяти» и заменив ее группой маоистской культурной революции [27].

В мае 1966 г. в Пекине было созвано «расширенное заседание» Политбюро. Конференция, а не совместное обсуждение политики (согласно обычным нормам партийных операций), по сути, была кампанией по мобилизации Политбюро для одобрения политической программы Мао. Конференция была сильно «нагружена» маоистской политической риторикой о классовой борьбе и была заполнена тщательно подготовленными «обвинительными заключениями» в отношении недавно свергнутых лидеров, таких как Пэн Чжэнь и Ло Жуйцин. Один из этих документов, выпущенный 16 мая, был подготовлен под личным контролем Мао. «Те представители буржуазии, которые проникли в партию, правительство, армию и различные сферы культуры, являются группой контрреволюционных ревизионистов. Когда условия созреют, они захватят

политическую власть и превратят диктатуру пролетариата в диктатуру буржуазии. Некоторых из них мы уже видели; других еще нет. Некоторым из них все еще доверяют, и они обучаются как наши преемники, например, такие люди, как Хрущев, которые все еще сидят рядом с нами» [51].

Этот текст, который стал известен как «Уведомление от 16 мая» (кит. 五一六通知), суммировал идеологическое оправдание Мао для культурной революции [24]. Фактически это подразумевало, что в самой партии есть враги коммунистического дела: классовые враги, которые «машут красным флагом, чтобы противостоять этому же флагу» [49]. Единственный способ идентифицировать этих людей был через «телескоп и микроскоп Мао» [49]. Хотя руководство партии было относительно единым в утверждении общего направления повестки дня Мао, многие члены Политбюро не были особенно полны энтузиазма или просто не понимали направление движения [46]. Обвинения против уважаемых партийных лидеров, таких как Пэн Чжэнь, произвели тревогу в интеллектуальном сообществе Китая и среди восьми некоммунистических партий.

После «чистки» Пэн Чжэня Пекинский партийный комитет фактически прекратил свою деятельность, что привело к беспорядкам в столице. 25 мая под руководством Цао Йоу Не Юаньцзы, преподаватель философии в Пекинском университете, автор большого плаката (кит. 大字报dazibao) вместе с другими левыми опубликовали плакат в публичном бюллетене. Публикации содержали нападки на партийную администрацию университета и его лидера Лу Пинга [35]. А также намеки, что руководство университета, как и Пэн Чжэнь, пыталось сдержать революционный пыл в попытке противостоять партии и продвигать ревизионизм [36].

Мао быстро поддержал дазибао (кит. 大字报). Призыв, который теперь опечатан личным штампом одобрения Мао, имел устойчивый волновой эффект во

всех учебных заведениях Китая. Ученики повсюду начали бунтовать против партийных учреждений своих школ. Занятия были незамедлительно отменены в начальных и средних школах Пекина. После чего 13 июня было принято решение о расширении борьбы по всей стране. К началу июня толпы молодых демонстрантов выстроились вдоль главных транспортных магистралей столицы, на которых стояли гигантские портреты Мао, били барабаны и выкрикивали лозунги против его предполагаемых врагов [39].

Когда в начале июня увольнение Пэн Чжэня и руководства муниципальной партии стало достоянием общественности, началось массовое замешательство. Общественные и иностранные миссии были в неведении относительно причины вытеснения Пэн Чжэня. Даже высшее руководство партии было застигнуто врасплох внезапной волной протеста против истеблишмента, и задавалось тем, что делать дальше [40]. После указаний Мао Цзэдуна в Ханчжоу, Лю Шаоци и Дэн Сяопин решили отправить «рабочие команды» (кит. 工作组) – «идейно-руководящие» отряды кадров – в городские школы и Народную ежедневную газету. Эти меры были приняты с целью, восстановить некоторое подобие порядка и восстановить партийный контроль [43].

Рабочие группы были поспешно отправлены и плохо понимали настроения студентов. В отличие от политического движения 1950-х гг., нацеленного на интеллектуалов, новое движение было сосредоточено на устоявшихся партийных кадрах, многие из которых были частью рабочих групп. В результате рабочие группы стали все больше восприниматься как еще одна сила, нацеленная на подавление революционного рвения. Впоследствии руководство партии разделилось на предмет того, должны ли рабочие группы оставаться на месте. Лю Шаоци настаивал на продолжении участия рабочей группы и подавлении наиболее радикальных элементов движения, опасаясь, что движение выйдет из-под контроля [33].

16 июля 72-летний председатель Мао отправился на реку Янцзы в Ухань, что стало знаковым «плаванием через Янцзы», чтобы продемонстрировать свою позицию. Впоследствии он вернулся в Пекин с целью критики руководства партии за «решение» проблемы рабочих групп. Мао обвинил рабочие команды в подрыве студенческого движения, призвав к их полному уходу. Через несколько дней в Большом зале народных собраний состоялся митинг, чтобы объявить о решении и задать новый тон движения университетскому и высшему образованию. На митинге партийные лидеры сказали, что массы собрались, чтобы «не бояться» и смело взять на себя ответственность за движение, без партийного вмешательства [47].

Проблема рабочих групп ознаменовала решительное поражение Лю Шаоци в политическом отношении; это также сигнализировало, что разногласия по поводу того, как обращаться с разворачивающимися событиями Культурной революции, необратимо оторвут Мао от установленного партийного руководства. 1 августа одиннадцатый Пленум восьмого Центрального Комитета был спешно созван для обсуждения радикальной повестки дня. На пленуме Мао демонстрировал откровенное презрение к Лю Шаоци, неоднократно прерывая Лю, когда тот произносил свою речь в день открытия [33]. В течение нескольких дней Мао неоднократно заявлял, что руководство партии нарушило его революционные идеи. Мышление Мао получило полное одобрение от участников конференции. Чувствуя, что часть партийной элиты все же не желает полностью принять революционную идеологию, Мао пошел в наступление. 28 июля представители «хунвэйбинов» написали Мао письмо с призывом к восстанию для защиты революции. Затем Мао отреагировал на письма, написав свой собственный плакат с призывом сопротивляться контрреволюционным силам и бороться с «буржуазной» элитой, которая все еще оставалась на «руководящих должностях» в правительстве [2]. Хотя никаких имен не было упомянуто, это провокационное

заявление Мао было истолковано как прямое обвинение в создании антипартийной клики под руководством Лю Шаоци и Дэн Сяопина – предполагаемой «буржуазной элитой» Китая [50]. Кадровые перестановки на Пленуме отражают радикальное изменение партийной иерархии в соответствии с этим новым идеологическим ландшафтом. Лю и Дэн сохранили свои места в Постоянном комитете Политбюро, но фактически были отстранены от повседневных партийных дел. Линь Бяо был повышен, чтобы стать номером «два» в партии, положение Лю Шаоци переместилось со «второго» на «восьмое» место, и больше он сам не рассматривался как явный наследник Мао [2].

Расправа с высшим руководством, свергнутым с ключевых постов, отразилась полным уничтожением всей национальной бюрократии Коммунистической партии. Обширный организационный отдел, отвечающий за партийный персонал, по существу прекратил свое существование. Группа культурной революции, идеологическая «преторианская гвардия» Мао, была выдвинута на первый план, чтобы пропагандировать его идеологию и завоевывать народную поддержку. Высокопоставленные чиновники в отделе пропаганды были уволены, и многие его функции были включены в состав группы культурной революции [47].

8 августа 1966 г. Центральный Комитет партии принял «Решение о Великой пролетарской культурной революции», позднее получившее название «Шестнадцать пунктов» [34]. Это решение определило культурную революцию как великую революцию, которая затрагивает людей до самой их души и представляет собой более глубокую и обширную стадию развития социалистической революции в стране. Библиотеки, полные исторических и иностранных текстов, были уничтожены; книги были сожжены. Храмы, церкви, мечети, монастыри и кладбища были закрыты и иногда превращались в здания для других целей, либо были разграблены и уничтожены [43]. Марксистская пропаганда изображала буддизм как суеверие, а религия рассматривалась как

средство враждебного проникновения иностранцев, а также как инструмент капиталистического класса [44]. Духовенство было арестовано и отправлено в лагеря; многие тибетские буддисты были вынуждены участвовать в разрушении своих монастырей [48].

Одна из цитат из Красной книги (цитаты Мао), которую «хунвэйбины» позже будут использовать в качестве руководства, предоставленного Мао, звучала так: «Мир как ваш, так и наш, но, в конечном счете, он ваш. Вы, молодые, полные энергии, расцветаете, как солнце в восемь часов утра. Наша надежда возлагается на вас ... Мир принадлежит вам. Будущее Китая принадлежит вам» [25]. 350 миллионов экземпляров книги были напечатаны к декабрю 1967 г. Именно этот механизм заставил многих молодых людей взять на себя обязательства перед Китаем в качестве будущего страны. Эти цитаты, взятые непосредственно из книги Мао, отразились на действиях «хунвэйбинов» в будущем [24]. 22 августа 1966 г. была издана центральная директива о прекращении вмешательства полиции в деятельность «хунвэйбинов», и те сотрудники полиции, которые игнорировали это уведомление, были названы контрреволюционерами. Похвала Мао поощряла действия молодых людей [23]. Центральные чиновники сняли ограничения на насильственное поведение в поддержку революции. Се Фучжи, начальник национальной полиции, часто «закрывал глаза» на преступления «хунвэйбинов» [21]. В течение примерно двух недель в результате столкновений в одном лишь западном районе Пекина погибли около ста чиновников правящего и среднего класса. Число раненых превысило это число [24]. Наиболее жестокие аспекты кампании включали случаи пыток, убийств и публичного унижения. Многие люди, которых обвиняли в контрреволюции, погибли от самоубийства. В августе и сентябре 1966 г. в одном только Пекине было убито 1772 человека. В Шанхае было 704 самоубийства и 534 смертельных случая, связанных с культурной революцией в сентябре. В Ухане было 62 самоубийства и 32 убийства

за тот же период [23]. Пэн Дэхуай был доставлен в Пекин для публичного порицания.

В октябре Мао созвал «Центральную рабочую конференцию», чтобы убедить в руководстве партии тех, кто еще не принял революционную идеологию. Лю Шаоци и Дэн Сяопин преследовались как часть буржуазной реакционной линии [24]. После конференции Лю Шаоци, когда-то могущественного и умеренного знатока правящего класса, поместили под домашний арест в Пекине, а затем отправили в лагерь заключения, где ему отказали в медицинской помощи, и он умер в 1969 г. Дэн Сяопина отправляли на «перевоспитание» три раза, и в конце концов он был отправлен на работу на завод по производству двигателей в Цзянси.

Последствия «Шестнадцати пунктов» были далеко идущими. Это возвело студенческое движение, в общенациональную массовую кампанию, которая побудила бы рабочих, крестьян, солдат и низших партийных функционеров подняться, бросить вызов и изменить «надстройку» общества. 18 августа 1966 г. более миллиона «хунвэйбинов» со всей страны собрались на площади Тяньаньмэнь в Пекине и вокруг нее, чтобы лично встретиться с Председателем [23]. Линь Бяо занял центральное место на митинге 18 августа, громогласно осудив предполагаемых врагов в китайском обществе, которые препятствовали «прогрессу революции» [12]. Мао лично смешался с красногвардейцами и бросил весь свой политический вес на их дело, надев на себя красную гвардейскую повязку [50]. В период с августа по ноябрь 1966 г. было проведено восемь массовых митингов, в которых приняли участие более 12 миллионов человек со всей страны, большинство из которых были красногвардейцами. Правительство несло расходы «хунвейбинов», путешествующих по стране, обменивающихся «революционным опытом» [38].

На митингах красногвардейцев Линь Бяо также призывал к уничтожению «четырех пережитков»; а именно: старые обычаи, культура, привычки и идеи [16]. Революционная лихорадка охватила страну, и красногвардейцы выступили в качестве ее самых верных воинов. Некоторые изменения, связанные с кампанией «четыре пережитка», были в основном доброкачественными, такими как присвоение новых названий улицам города, местам и даже людям; миллионы детей родились с «революционно» звучащими именами в этот период. Другие аспекты деятельности Красной гвардии были более разрушительными, особенно в сфере культуры. Различные исторические места по всей стране были разрушены. Ущерб был особенно заметен в столице страны Пекине. Красногвардейцы также осадили Храм Конфуция в провинции Шаньдун [39], и испортили много других исторически значимых гробниц и артефактов [40].

Массовые организации в Китае объединились в две враждебные фракции: радикалов, которые поддержали чистку Мао в Коммунистической партии, и консерваторов, которые поддержали умеренное создание партии. На своем праздновании по случаю дня рождения 26 декабря 1966 г. Мао объявил «всестороннюю гражданскую войну», чтобы разрешить противостояние, и попросил вооруженные силы Народно-освободительной армии поддержать «левых», что, однако, не было четко определено. Поскольку командиры установили тесные рабочие отношения с партийным истеблишментом, многие военные подразделения вместо этого работали над подавлением радикалов Мао. В общей сложности 18,77 млн единиц огнестрельного оружия, 14 828 артиллерийских орудий, 2 719 545 гранат оказались в руках гражданского населения и использовались в ходе боевых действий; в городах Чунцин, Сямынь и Чанчунь в бою использовались танки, бронемашины и даже военные корабли [15].

Вдохновленные событиями в Пекине, группы «захвата власти» сформировались по всей стране и начали распространяться на заводы и деревни.

В Шанхае молодой фабричный рабочий по имени Ван Хунвэнь организовал революционную коалицию, которая вытеснила существующие группы Красной гвардии. 3 января 1967 г., при поддержке «тяжеловесов» комитета культурной революции Чжана Чуньцяо и Яо Вэньюаня, группа активистов свергла городское правительство Шанхая во время так называемой «Январской бури» и сформировала на его месте Шанхайскую народную коммуну [33]. События в Шанхае были высоко оценены Мао, который поощрял подобные мероприятия по всему Китаю. Пострадали правительства провинций и многие части государственной и партийной бюрократии, причем захваты власти происходили удивительным образом. Например, в Пекине три отдельные революционные группы объявили о захвате власти в один и тот же день, в то время как в Хэйлунцзяне местному партийному секретарю Пан Фушену удалось «захватить власть» у партийной организации под своим собственным руководством. Некоторые лидеры даже написали в комитет культурной революции с просьбой их свергнуть [29]. Все это может свидетельствовать о полной неразберихе в партийном руководстве.

В Пекине Цзян Цин и Чжан Чуньцяо сделали мишень из вице-преьера Тао Чжу. Движение по захвату власти поднимало голову и в армии. В феврале видные генералы Е. Цзяньин и Чэнь И, а также вице-премьер Тан Чжэньлинь открыто заявили о своей оппозиции более экстремистским аспектам движения, при этом некоторые партийные старейшины намекнули, что настоящими мотивами было «удаление» старой революционной гвардии. Мао, изначально амбивалентный, 18 февраля выступил в Политбюро, чтобы прямо осудить оппозицию, полностью поддержав действия радикалов. Это недолговечное сопротивление было названо «Февральским противотоком», эффективно подавляющим критику движения внутри партии в последующие годы [51].

В то время как революционеры распустили действующее правительство и партийные организации по всей стране, захват власти не имел централизованного руководства, уже не было ясно, кто действительно верит в революционное видение Мао и кто оппортунистически эксплуатирует хаос для своей собственной выгоды. Образование конкурирующих революционных групп, некоторые проявления давней местной вражды, привело к групповому насилию по всей стране. Напряженность росла между массовыми организациями и военными. В ответ Линь Бяо издал директиву для армии по оказанию помощи радикалам. В то же время армия взяла под контроль некоторые провинции и районы, которые считались неспособными разобраться в своих собственных переходах власти [38].

В центральном городе Ухане, как и во многих других городах, возникли две основные революционные организации: одна поддерживала консервативное правление, а другая против него. Группы боролись за контроль над городом. Чэнь Цайдао, генерал армии, отвечающий за район, насильственно подавлял демонстрантов против истеблишмента, которых поддерживал Мао. Тем не менее, в разгар суматохи сам Мао вылетел в Ухань с большим окружением центральных чиновников в попытке обеспечить военную лояльность в этом районе. В ответ местные агитаторы похитили эмиссара Мао Ван Ли в ходе так называемого инцидента в Ухане. Впоследствии генерала Чэнь Цайдао отправили в Пекин, где его осудили Цзян Цин и остальные члены группы культурной революции. Соппротивление Чэна было последним главным открытым проявлением оппозиции движению в армии [51].

Весной 1968 года началась масштабная кампания, направленная на повышение репутации Мао. 27 июля 1968 г. власть Красной гвардии над Армией была официально прекращена, и правительство направило подразделения, чтобы осадить районы, которые оставались нетронутыми гвардейцами. Год спустя фракции Красной гвардии были полностью уничтожены; Мао понимал, что хаос

может начать действовать по собственной программе и испытать искушение повернуться против революционной идеологии. Их цель была в основном выполнена; Мао и его радикальные коллеги в значительной степени преломили чашу весов власти на свою сторону.

В начале октября Мао начал кампанию по чистке правящих чиновников. Многих отправили в деревню для работы в перевоспитательных лагерях [45]. Лю Шаоци был исключен из Коммунистической партии на 12-м Пленуме Восьмого Центрального Комитета в сентябре 1968 г. и назван буржуазным элементом, по-видимому, ссылаясь на дазибао, написанную двумя годами ранее.

В декабре 1968 г. Мао начал кампанию «Деревня окружает город». Во время этого движения, которое продолжалось в течение следующего десятилетия, молодой буржуазии, живущей в городах, было приказано отправиться в деревню, чтобы испытать трудовую жизнь. Термин «молодые интеллектуалы» использовался для обозначения недавних выпускников колледжа. В конце 1970-х эти студенты вернулись в свои родные города. Многие студенты, которые ранее были членами Красной гвардии, поддержали движение и видение Мао. Таким образом, это движение было частично средством перемещения красногвардейцев из городов в сельскую местность, где они будут вызывать меньше социальных потрясений. Это также послужило распространению революционной идеологии по всему Китаю [51].

Девятый съезд партии был проведен в апреле 1969 года и послужил средством для «оживления» партии свежим мышлением и новыми кадрами после того, как значительная часть старой гвардии была уничтожена в ходе борьбы предыдущих лет [10]. Институциональная основа партии, созданная двумя десятилетиями ранее, почти полностью распалась: делегаты на этот съезд фактически избирались революционными комитетами, а не путем выборов членов партии [18]. Представительство военных увеличилось с большим отрывом в отличие от

предыдущего Конгресса (28 % делегатов были членами НОАК), и избрание большего числа членов НОАК в новый Центральный Комитет отразило это увеличение [8]. Многие офицеры, занимающие высокие посты, были верны главнокомандующему НОАК Линь Бяо, создавая новый раскол между военным и гражданским руководством [8].

Линь Бяо был официально повышен, чтобы стать номером «два» партии, с его именем, записанным в Конституции Коммунистической партии как «ближайший соратник Мао» и «общепризнанный преемник» [5]. Линь Бяо выступил с основным докладом на Конгрессе: документ был подготовлен сторонниками жесткой линии Яо Вэньюанем и Чжан Чуньцяо под руководством Мао [7]. В отчете была резкая критика Лю Шаоци и других «контрреволюционеров», и в самом доклад широко использовались цитаты из Красной книги. Конгресс укрепил центральную роль маоизма в партии, вновь представив маоизм как официальную руководящую идеологию партии в партийной конституции. Наконец, Конгресс избрал новое Политбюро с Мао Цзэдуном, Линь Бяо, Чен Бода, Чжоу Эньлаем и Кан Шенгом в качестве членов нового Постоянного комитета Политбюро. Лин, Чен и Кан были бенефициарами культурной революции. Чжоу, который был понижен в звании, выразил свою безоговорочную поддержку Линь Бяо на Конгрессе [3]. Мао также восстановил функции некоторых официальных партийных институтов, таких как деятельность Политбюро партии, которое прекратило свою деятельность в период с 1966 – 1968 гг., поскольку Центральная культурная революционная группа фактически контролировала страну [8].

Усилия Мао по реорганизации партийных и государственных учреждений дали неоднозначные результаты. Многие обширные провинции оставались нестабильными, но политическая ситуация в Пекине стабилизировалась. Фракционная борьба, многие аспекты которой носили насильственный характер,

продолжалась на местном уровне, несмотря на заявление о том, что девятый Конгресс стал временной «победой» культурной революции. Кроме того, несмотря на усилия Мао, направленные на демонстрацию единства на Конгрессе, фракционный разрыв между лагерем Линь Бяо и радикальным лагерем, возглавляемым Цзяном Цин, усиливался. Личная неприязнь преемника Мао к Цзян Цин привлекла многих гражданских лидеров, в том числе выдающегося теоретика Чэнь Бода. Таким образом, внутривластный раскол лишь усилился, что создавало напряженную обстановку внутри партии и внутри страны.

2.3 Конфронтация сторонников Мао Цзэдуна и сторонников Линь Бяо

В период с 1966 – 1968 гг. Китай был изолирован на международном уровне, заявив о своей враждебности по отношению к Советскому Союзу и Соединенным Штатам. Трения с Советским Союзом усилились после пограничных столкновений на реке Уссури в марте 1969 г., когда китайское руководство готовилось к полномасштабной войне [12]. В октябре высшие руководители были эвакуированы из Пекина. В разгар напряженности Линь Бяо издал то, что казалось исполнительным приказом подготовиться к войне в одиннадцати военных регионах НОАК 18 октября, это решение не проходило через Мао. Это вызвало гнев Председателя, который видел в этом доказательство того, что его власть была преждевременно узурпирована его заявленным преемником [12].

Перспектива войны поднимала НОАК на все более заметное место во внутренней политике, повысив статус Линь Бяо за счет Мао [13]. Есть некоторые свидетельства того, что Мао был вынужден стремиться к более тесным отношениям с Соединенными Штатами, чтобы избежать доминирования НОАК во внутренних делах в результате военной конфронтации с Советским Союзом [14]. Во время своей встречи с президентом США Ричардом

Никсоном в 1972 г. Мао намекнул, что Линь Бяо выступил против поиска лучших отношений с США [13].

После того, как Линь Бяо был утвержден в качестве преемника Мао, его сторонники сосредоточились на восстановлении поста председателя государства (президента) [15], который был отменен Мао после чистки Лю Шаоци. Они надеялись, что, позволив Линь Бяо сойти на конституционно санкционированную роль, будь то председатель или заместитель председателя, преемственность Линь Бяо будет институционализирована. Консенсус внутри Политбюро состоял в том, что Мао должен вступить в должность, а Линь Бяо станет вице-председателем; но по неизвестным причинам Мао высказал свое явное несогласие с воссозданием позиции и принятием ее на себя [16].

Соперничество между группировками усилилось на втором пленуме девятого Конгресса в Лушане, состоявшемся в конце августа 1970 г. Чэнь Бода, присоединившийся к фракции НОАК, лояльной Линь Бяо, активизировал поддержку восстановления должности председателя КНР, несмотря на пожелания Мао Цзэдуна. Кроме того, Чэнь Бода начал выступать с критикой Чжана Чуньцяо, убежденного маоиста, который воплотил хаос культурной революции, по поводу оценки наследия Мао [10].

Атаки на Чжана Чуньцяо нашли одобрение у многих участников Пленума и, возможно, были истолкованы Мао как косвенное нападение на саму Культурную революцию. Мао открыто противостоял Чэнь Бода, объявив его «ложным марксистом» [51], и исключил его из Постоянного комитета Политбюро. В дополнение к чистке Чэнь Бода Мао попросил главных генералов Линь Бяо написать оценку по их политическим позициям в качестве предупреждения Линь Бяо. Мао также пригласил нескольких своих сторонников в Центральную военную комиссию и назначил своих сторонников на руководящие должности в военном округе Пекина [13].

К 1971 г. различия между гражданским и военным крылом руководства стали очевидными. Мао был обеспокоен вновь обретенной политической силой НОАК, и чистка Чэна Боды ознаменовала начало постепенного сокращения политической активности НОАК [2]. Согласно официальным источникам, чувствуя уменьшение базы власти Линь Бяо и ухудшение его здоровья, сторонники Линь Бяо планировали использовать военную мощь, которая еще есть в их распоряжении, чтобы свергнуть Мао в результате переворота [1].

Сын Линь Бяо, Лин Лиго и другие высокопоставленные военные заговорщики сформировали в Шанхае аппарат государственного переворота и назвали план изгнания Мао с помощью плана проекта 571, который в китайском языке звучит как «Военное восстание». Оспаривается, был ли Линь Бяо вовлечен в этот процесс. Хотя официальные источники утверждают, что Линь Бяо спланировал и осуществил предполагаемую попытку переворота, однако некоторые историки изображают Линя как пассивного персонажа, которым манипулируют члены его семьи и его сторонники [1]. Цю (китайский историк) утверждает, что Линь Бяо никогда лично не участвовал в составлении плана, и есть свидетельства того, что Лин Лиго подготовил переворот [8].

Схема якобы состояла в основном из планов воздушных бомбардировок с использованием ВВС. Первоначально он был нацелен на уничтожении Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня, но позже был включен и сам Мао. Если бы план был успешным, Лин Лиго арестовал бы своих политических соперников и пришел бы к власти. Утверждалось, что попытки убийства были предприняты против Мао в Шанхае с 8 – 10 сентября 1971 г. Предполагаемые риски для безопасности Мао, как утверждается, были переданы Председателю. В одном внутреннем отчете говорилось, что Лин планировал бомбить мост, который Мао должен был пересечь, чтобы достичь Пекина; Мао, как сообщается, избежал этого моста после получения разведданных.

В официальном отчете 13 сентября 1971 г. Линь Бяо, его жена Е Цюнь, Лин Лиго и члены его штаба попытались бежать в Советский Союз якобы в поисках убежища. По пути самолет Линь Бяо разбился в Монголии, убив всех на борту. Самолет, видимо, исчерпал топливо по пути в Советский Союз. Советская команда, расследующая инцидент, не смогла определить причину крушения, но выдвинула гипотезу, что пилот летел низко, чтобы уклониться от радара, и неправильно оценил высоту самолета.

Официальный отчет был поставлен под сомнение иностранными учеными, которые поставили под сомнение выбор Линь Бяо Советского Союза в качестве пункта назначения, маршрут самолета, личность пассажиров, и действительно ли имел место государственный переворот [16].

13 сентября Политбюро собралось на экстренное заседание, чтобы обсудить Линь Бяо. Только 30 сентября была подтверждена смерть Линь Бяо в Пекине, что привело к отмене празднования Национального дня на следующий день. Центральный комитет держал информацию в секрете, и новости о смерти Линь Бяо не были обнародованы в течение двух месяцев после инцидента [14]. Многие из сторонников Линя искали убежища в Гонконге; те, кто остался на материке, были подвергнуты репрессиям. Это событие застало руководство партии врасплох: концепция, согласно которой Линь мог предать Мао, делигитимизировала большую часть политической риторики культурной революции, поскольку Линь Бяо уже был включен в Конституцию партии как «ближайший соратник» и «преемник» Мао. В течение нескольких месяцев после инцидента информационный аппарат партии изо всех сил пытался найти «правильный путь», чтобы подготовить инцидент для общественного обозрения.

Мао впал в депрессию и затворничество после инцидента с Линь Бяо. Когда Линь ушёл, у Мао не было готовых ответов о том, кто станет его преемником. Чувствуя внезапную потерю верного курса, Мао попытался

связаться со старыми товарищами, которых он осудил в прошлом. Между тем, в сентябре 1972 года Мао перевел тридцатипятилетнего члена партии из Шанхая, Ван Хунвэня, в Пекин и сделал его заместителем председателя партии [44]. В.Хунвэнь, бывший рабочий, казалось, готовился стать новым преемником. Положение Цзян Цин также усилилось после бегства Линь Бяо. Она имела огромное влияние на радикальный лагерь. Когда здоровье Мао ухудшилось, стало ясно, что у Цзян Цин были свои политические амбиции. Она объединилась с Ван Хунвэнь и специалистами по пропаганде Чжаном Чуньцяо и Яо Вэньюанем, сформировав политическую клику, которую впоследствии назвали «Бандой четырех».

К 1973 г. вслед за новым раундом политической борьбы у многих учреждений более низкого уровня, включая местные органы власти, заводы и железные дороги, выявилась серьезная проблема: не хватало компетентного персонала, необходимого для выполнения основных функций [10]. Экономика страны пришла в упадок, что потребовало реабилитации очищенных чиновников более низкого уровня. Тем не менее, в ядре партии преобладали бенефициары и левые радикалы Культурной революции, в центре внимания которых оставалась идеологическая чистота экономической производительности. Экономика в основном оставалась в ведении Чжоу Эньлая, одного из немногих умеренных «левых». Чжоу попытался восстановить экономику, но «Банда четырех» определила его в качестве своей главной политической силы в преемственности после эпохи Мао. Таким образом, проведя чистку среди «старой гвардии» Мао выбрал в качестве своего преемника Линь Бяо, который активно поддерживал его идеи культурной революции. Однако попытка переворота заставила Мао задуматься над правильностью своего курса. В политическом плане благодаря выбору Мао Цзэдуна НОАК получил значительный политический вес в управлении государством, а «Банда четырех» после смерти главного преемника,

пользуясь поддержкой радикальных кадров партии, попыталась перехватить инициативу в свои руки.

2.4 Период партийной борьбы после смерти Линь Бяо

В конце 1973 года, чтобы ослабить политическое положение Чжоу Эньлая и дистанцироваться от явного предательства Линь Бяо, под руководством Цзян Цин началась кампания «Критика Линь Бяо и Конфуция». Её заявленные цели состояли в том, чтобы очистить Китай от нового конфуцианского мышления и осудить действия Линь Бяо как предательские и регрессивные [24]. Напоминая о первых годах культурной революции, битва велась на основе исторической аллегории, и хотя имя Чжоу Эньлая никогда не упоминалось во время этой кампании, исторический тезка премьер-министра, князь Чжоу, был частой целью.

С нестабильной экономикой и Ч. Эньлаем, заболевшим раком, Дэн Сяопин вернулся на политическую сцену, заняв пост вице-преьера в марте 1973 г., в первой из серии акций, одобренных Мао. После того, как Чжоу Эньлай ушел из активной политики в январе 1975 года, Дэн Сяопин был фактически назначен главой правительства, партии и армии, получив дополнительные звания Генерального начальника штаба НОАК, заместителя председателя Коммунистической партии и заместителя председателя Центральной военной комиссии в короткие сроки [10].

Скорость реабилитации Дэна застала врасплох радикальный лагерь, который неожиданно для себя увидел законных политических и идеологических наследников Мао. Мао Цзэдун хотел использовать Д. Сяопина в качестве противовеса военной фракции в правительстве, чтобы подавить любое оставшееся влияние тех, кто ранее был верен Линь Бяо. Кроме того, Мао также потерял уверенность в способности «Банды четырех» управлять экономикой и увидел в

Д. Сяопине компетентного и эффективного лидера. Прозябание в нищете не будет оказывать никакой пользы для положительного наследия культурной революции, М. Цзэдун оказался в трудной ситуации. Возвращение Дэн Сяопина создало почву для длительной фракционной борьбы между радикальной «Бандой четырех» и умеренными во главе с Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином.

В то время Цзян Цин и её коллеги контролировали средства массовой информации и пропагандистскую сеть партии, а Чжоу и Дэн контролировали большинство правительственных органов. В некоторых решениях Мао стремился смягчить влияние «Банды четырех», но в отношении других он согласился с их требованиями. Тяжелая рука «Банды четырех» в управлении политикой и средствами массовой информации не помешала Д. Сяопину восстановить свою экономическую политику. Дэн решительно выступал против фракционности партии, и его политика была направлена на содействие единству как первый шаг к восстановлению эффективной экономической производительности.

Подобно реструктуризации после «Большого скачка», которой руководил Лю Шаоци, Д. Сяопин упорядочил железнодорожную систему, производство стали и другие ключевые области экономики. Однако к концу 1975 г. Мао увидел, что экономическая перестройка может свести на нет наследие культурной революции, и начал кампанию против «реабилитации правых», сославшись на то, что Д. Сяопин является главным «правым» страны. В ноябре 1975 г. Мао дал указание Д. Сяопину написать признание, что было одобрено «Бандой четырех» [18].

8 января 1976 г. Чжоу Эньлай умер от рака. 15 января Дэн Сяопин выступил с официальной речью на похоронах Чжоу Эньлая, на которых присутствовали все самые высокопоставленные лидеры Китая, кроме самого Мао, который все больше критиковал Чжоу [7]. Любопытно, что после смерти Чжоу Эньлая Мао не

выбрал ни членов «Банды четырех», ни Дэн Сяопина, чтобы сделать своим преемником, вместо этого выбрав относительно неизвестного Хуа Гофэна.

«Банда четырех» опасалась, что спонтанная, широкомасштабная поддержка Чжоу Эньлая со стороны населения может повернуть политический поток против них. Они действовали через средства массовой информации, чтобы наложить ряд ограничений на открытые публичные демонстрации скорби по Чжоу Эньлаю. Запрет критики культурной революции, политические преследования Дэн Сяопина (рассматриваемого как союзника Ч. Эньлая) и запрет на публичный траур привели к росту недовольства населения против «Банды четырех» [17].

Официальные попытки обеспечить соблюдение траурных ограничений включали удаление общественных памятников и снос портретов, посвященных достижениям Чжоу Эньлая. 25 марта 1976 г. шанхайский Вэнь Хуэй Бао опубликовал статью под названием «Чжоу: капиталистический бродяга внутри партии хотел помочь нераскаявшемуся капиталистическому бродяге Дэну восстановить его власть». Тем не менее, эти пропагандистские усилия по смазыванию образа Ч. Эньлая только усилили общественную привязанность к памяти о нем [15]. 4 апреля 1976 г., в канун ежегодного китайского фестиваля Цинмин, традиционного траурного дня, тысячи людей собрались у Памятника народным героям на площади Тяньаньмэнь, чтобы почтить память Чжоу Эньлая. Жители Пекина оказали честь Чжоу, возложив венки, знамена, стихи, плакаты и цветы у подножия Памятника. Наиболее очевидная цель этого мемориала состояла в том, чтобы почтить память Ч. Эньлая, но «Банда четырех» также подверглась нападению за свои действия против премьер-министра. Небольшое количество негативных лозунгов, оставшихся на площади, даже касались самого Мао и его культурной революции [23].

До 2-х млн человек смогли посетить площадь Тяньаньмэнь 4 апреля. Все уровни общества, от самых бедных крестьян до высокопоставленных

офицеров НОАК и детей из высокопоставленных кадров, были на мероприятии. Те, кто участвовал, были мотивированы смесью гнева по поводу обращения с Ч. Эньлаем, восстанием против культурной революции и опасениями за будущее Китая. Мероприятие, казалось, не имело скоординированного руководства, а было отражением общественных настроений [25].

Центральный комитет под руководством Цзян Цин назвал это событие «контрреволюционным» и очистил площадь от мемориальных предметов вскоре после полуночи 6 апреля. Попытки подавить скорбящих привели к жестоким беспорядкам. Полицейские машины были подожжены, и толпа более чем в 100 000 человек ворвалась в несколько правительственных зданий, окружающих площадь. Многие из арестованных были позже приговорены к трудовым лагерям. Подобные инциденты произошли в других крупных городах. Цзян Цин и ее союзники называли Дэн Сяопина «вдохновителем» инцидента и об этом сообщали официальные СМИ. 7 апреля Д. Сяопин был официально лишен всех позиций «внутри и вне партии». Это стало второй чисткой Дэна за десять лет [23]. Таким образом, внутри партии продолжал нарастать раскол между умеренными и радикалами. Мао видел неспособность «Банды четырех» эффективно управлять государством, также росло и недовольство населения действиями радикальных кадров партии. Все это требовало серьезных изменений во внутреннем составе партии, а также прекращение культурной революции.

2.5 Борьба внутри партии после смерти Мао Цзэдуна

9 сентября 1976 г. Мао Цзэдун умер. Для сторонников Мао его смерть символизировала потерю революционного фундамента коммунистического Китая. Когда его смерть была объявлена во второй половине дня 9 сентября в пресс-релизе, озаглавленном «Уведомление от ЦК, ВСНП, Госсовета для всей

партии, всей армии и людей всех национальностей во всем мире» [30]. Вся страна погрузилась в горе и траур, люди плакали на улицах, а общественные учреждения закрывались более недели. Хуа Гофэн возглавлял похоронный комитет.

Незадолго до смерти Мао, якобы, написал Х. Гофэну письмо. Хуа Гофэн использовал это сообщение, чтобы обосновать свою позицию преемника. Считалось, что ему не хватает политических навыков и амбиций, и он, по-видимому, не представляет серьезной угрозы «Банде четырех» в борьбе за преемственность. Тем не менее, радикальные идеи банды также столкнулись с влиятельными старыми кадрами и большей частью партийных реформаторов. При поддержке армии и поддержке маршала Е. Цзянина 6 октября спецподразделение «8341» арестовало всех членов «Банды четырех» в результате бескровного переворота [8].

Хотя Хуа Гофэн публично осудил «Банду четырех» в 1976 г., он продолжал ссылаться на имя Мао, чтобы оправдать политику этой эпохи. Х. Гофэн заявил, что: «Какая бы политика ни исходила от председателя Мао, мы должны продолжать поддерживать ее» и «Какими бы указаниями нами ни руководил Мао, мы должны продолжать следовать» [23]. Как и Д. Сяопин, Хуа Гофэн хотел обратить вспять ущерб от Культурной революции; но в отличие от Д. Сяопина, который хотел предложить новые экономические модели для Китая, Хуа Гофэн намеревался переместить в китайскую экономическую и политическую систему советское планирование начала 1950-х гг. Х. Гофэн все больше и больше понимал, что без Дэн Сяопина трудно продолжать государственные дела. 10 октября Дэн Сяопин лично написал Х. Гофэну письмо с просьбой вернуть его в государственные и партийные дела; партийные старые кадры также призвали к возвращению Д. Сяопина. С ростом давления со всех сторон, Х. Гофэн назначил вице-премьером Д. Сяопина в июле 1977 г., а затем выдвинул его на различные другие должности, фактически превратив во вторую по величине влиятельную

фигуру Китая. В августе одиннадцатый Конгресс партии был проведен в Пекине, официально назвав (в порядке ранжирования) Хуа Гофэна, Е. Цзяньяна, Дэн Сяопина, Ли Сяньняня и Ван Дунсина новыми членами Постоянного комитета Политбюро [27].

В мае 1978 г. Дэн воспользовался возможностью возвысить своего протеже Ху Яобана к власти. Ху Цзиньтао опубликовал статью в «Guangming Daily», в которой умело использовал цитаты Мао Цзэдуна, восхваляя идеи Д. Сяопина. После этой статьи Х. Гофэн начал менять тон в поддержку Д. Сяопина. 1 июля Д. Сяопин обнародовал отчет М. Цзэдуна по самокритике 1962 г. о провале «Большого скачка». В сентябре 1978 г. Дэн начал расширять свою власть и начал открыто критиковать идеи Хуа Гофэна [15].

18 декабря 1978 г. состоялся центральный третий пленум 11-го Центрального Комитета. На пленуме Д. Сяопин призвал к «освобождению мыслей» и призвал партию «искать правду из фактов» и отказаться от идеологической догмы. Пленум официально ознаменовал начало эры экономических реформ. Хуа Гофэн назвал свои «высказывания» ошибкой. Ван Дунсин, надежный союзник Мао, также подвергся критике. На пленуме партия отменила свой вердикт об инциденте на площади Тяньаньмэнь. Опозоренному бывшему лидеру партии Лю Шаоци было решено провести государственные похороны [28].

На пятом Пленуме, состоявшемся в 1980 г., были политически реабилитированы Пэн Чжэнь, Хэ Лонг и другие лидеры, которые были подвергнуты репрессиям во время культурной революции. Ху Яобан стал главой партии в качестве ее генерального секретаря. В сентябре Хуа Гофэн подал в отставку, а Чжао Цзыяна, еще одного союзника Д. Сяопина, назначили премьер-министром. Дэн оставался председателем Центральной военной комиссии, но формальная власть была передана новому поколению прагматичных реформаторов, которые почти полностью изменили политику культурной

революции. Таким образом, после смерти Мао Цзэдуна «Банда четырех» не смогла заручиться поддержкой ни преемника Мао, ни НОАК. Все это обусловило победу прагматиков-реформистов, прекращение культурной революции и проведение новых и эффективных реформ.

2.6 Культура как важный инструмент партии в период революции

Тот факт, что культурная революция оказала такое огромное влияние на китайское общество, является результатом широкого использования политических лозунгов. Риторика сыграла центральную роль в объединении, как партийного руководства, так и населения в целом во время культурной революции. Например, лозунг «бунт – дело правое» (кит. zàofǎn yǒulǐ) стал унитарной темой [23].

Политические лозунги были вездесущи во всех аспектах жизни людей и были напечатаны на обычных предметах, таких как билеты на автобус, пачки сигарет и зеркальные столы. Рабочие должны были «захватить революцию и продвигать производство», в то время как крестьяне должны были выращивать больше свиней, потому что «больше свиней означает больше навоза, а больше навоза – больше зерна». Даже случайное замечание Мао: «Вкус сладкого картофеля, мне нравится» стало лозунгом повсюду в сельской местности [39].

Политические лозунги того времени имели три источника: Мао Цзэдун, официальные партийные СМИ, такие как «Народная газета» и Красная гвардия. М. Цзэдун часто предлагал расплывчатые, но мощные указания, которые привели к фракционированию Красной гвардии. Эти директивы могли быть истолкованы в соответствии с личными интересами, что, в свою очередь, помогало целям группировок быть более лояльными Мао Цзэдуну. Лозунги Красной гвардии носили жестокий характер, например: «Уничтожь врага и наступи на него ногой»,

«Да здравствует красный террор!» и «Те, кто против председателя Мао, будут разбиты» [32].

Синологи Лоуэлл Дитмер и Чэнь Руокси отмечают, что китайский язык исторически определялся тонкостью, деликатностью, умеренностью и честностью, а также «культивированием утонченного и элегантного литературного стиля». Это изменилось во время культурной революции. Поскольку Мао хотел, чтобы в его крестовом походе была армия воинственных людей, в то время риторика сводилась к воинствующему и жесткому словарному запасу. Эти лозунги были мощным и эффективным методом «реформирования мышления», мобилизующим миллионы людей в согласованной атаке на субъективный мир, «одновременно реформируя их объективный мир» [31].

Л. Дитмер и Ч. Руокси утверждают, что акцент на политике сделал язык очень эффективной формой пропаганды, но также превратил его в жаргон стереотипов, повторяющихся и скучных. Чтобы дистанцироваться от этой эпохи, правительство Дэна Сяопина сильно сократило использование политических лозунгов. Практика лозунга стала умеренно возрождаться лишь в конце 1990-х гг. при Цзян Цзэмине.

Некоторые из наиболее устойчивых образов Культурной революции происходят из портерного искусства. Пропагандистское искусство на плакатах использовалось в качестве инструмента агитации и средства массовой коммуникации и часто служило основным источником информации для людей. Они были произведены в большом количестве и широко распространены, и использовались правительством и Красной гвардией для донесения до общественности идеологической ценности, определенной партийным руководством. Было много типов плакатов, два основных жанра: дазибао (кит. 大字报, плакат с большим персонажем) и «коммерческий» плакат пропаганды (кит. 宣传画, сюаньчуаньхуа) [27].

Дазибао могут быть лозунгами, стихами, комментариями и графиками, которые часто свободно создаются и размещаются на стенах в общественных местах, на фабриках и в коммунах. Они были жизненно важны для борьбы Мао в период Культурной революции, и сам Мао написал 5 августа 1966 г. свой собственный дазибао в Пекинском университете, призывая людей «громить буржуазные элементы». «Коммерческие» агитационные плакаты были произведениями искусства, произведенными правительством и продававшимися по небольшой цене в магазине, чтобы поставить их дома. Художники для этих плакатов могут быть и профессионалами, плакаты были в значительной степени выполнены в визуальном стиле соцреализма с определенными условностями – например, изображения Мао должны быть изображены как «красные, гладкие и светящиеся» [26].

Традиционные темы в искусстве были отодвинуты на второй план во время культурной революции, а такие художники, как Фэн Цзыкай, Ши Лу и Пан Тяньшоу, преследовались. Многие из художников были отправлены на ручной труд, и художники должны были изображать предметы, которые прославляли культурную революцию, связанные с их трудом [42]. В 1971 г., частично чтобы облегчить их страдания, ряд ведущих художников были отозваны из ручного труда или освобождены по инициативе Чжоу Эньлая для украшения отелей и железнодорожных станций, испорченных лозунгами красногвардейцев. Чжоу сказал, что произведения искусства предназначены для иностранцев, поэтому на «внешнее» искусство не распространяются обязательства и ограничения, накладываемые на «внутреннее» искусство, предназначенное для граждан Китая. По его словам, пейзажная живопись также не должна считаться одной из «четырех пережитков». Тем не менее, Ч. Эньлай был ослаблен раком, и в 1974 г. фракция Цзян Цин конфисковала эти и другие картины и установила

выставки в Пекине, Шанхае и других городах, объявив произведения искусства «Черными картинами» [51].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что культура являлась важным инструментом партийного руководства в ходе революции. С одной стороны, традиционная культура и язык были отодвинуты на второй план, что было обусловлено необходимостью убеждения и побуждения масс на осуществление идейно-политической кампании. С другой стороны, партия на некоторое время не только смогла затмить традиционную культуру, но и предложить некий аналог, который нашел широкий отклик у населения на первых этапах кампании. Пропаганда очень эффективно использовала плакаты, лозунги, формируя мышления масс. Эти события очень ярко отражают тот факт, что культура в ходе революции была очень сильным и важным инструментом партийного руководства. Таким образом, партия использовала культуру как мощное оружие для формирования общественного мнения и управления массами. Партия смогла эффективно проводить свою политику посредством культуры, изменяя свой курс благодаря плакатам дазибао и распространяя лозунги среди населения страны. Эти лозунги быстро распространялись среди населения посредством СМИ, контролируемых государством. Это очень облегчало распространение информации среди просто населения.

2.7 Оценка периода «Культурной революции» со стороны КПК

Чтобы понять массовый хаос, вызванный культурной революцией, при сохранении авторитета и легитимности партии, преемники Мао должны были придать этому событию «правильную» историческую оценку. 27 июня 1981 г. Центральный Комитет принял «Резолюцию по некоторым вопросам в истории

партии со времени основания Китайской Народной Республики», официальную оценку основных исторических событий с 1949 г. [48].

Резолюция откровенно отметила руководящую роль Мао в движении, заявив, что ответственность за серьезную «левую» ошибку культурной революции, ошибку всестороннюю по величине и длительную, действительно ложится на товарища Мао Цзэдуна. Однако также отмечалось, что главная ошибка возлагается на «манипулирующие контрреволюционные группы» Линь Бяо и Цзян Цин, которые несут ответственность за худшие процессы культурной революции. Резолюция подтвердила, что культурная революция принесла серьезную катастрофу китайскому народу и смятения в коммунистической партии [37].

Официальная точка зрения была направлена на то, чтобы отделить действия Мао во время культурной революции от его «героической» революционной деятельности во время гражданской войны в Китае и второй китайско – японской войны. Это также отделяло личные ошибки Мао от правильности, созданной им теории, вплоть до обоснования того, что культурная революция противоречила духу мысли Мао Цзэдуна, которая остается официальной руководящей идеологией партии. Дэн Сяопин, как известно, заявил, что заслуги и ошибки Мао находятся в соотношении 70 к 30. После культурной революции Дэн подтвердил, что маоистская идеология во многом обусловила революционный успех Коммунистической партии, но на практике отказался от него в пользу социализма с китайской спецификой, совершенно другой модели государственной рыночной экономики.

В материковом Китае официальное представление о партии в настоящее время служит доминирующей основой для китайской историографии того периода; альтернативные взгляды не приветствуются. После культурной революции появился новый жанр литературы, известный как «Рубцовая литература»

(Shanghai Wenxue), поддерживаемый правительством. В значительной степени написанная образованной молодежью, такой как Лю Синьхуа, Чжан Сянлян и Лю Синьву, литература о «шрамах» изображала Революцию с негативной точки зрения, используя в качестве основы свои собственные взгляды и опыт [33].

После подавления протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., как либералы, так и консерваторы в партии обвинили друг друга в эксцессах, которые, по их утверждению, напоминали о культурной революции. Ли Пэн, который лоббировал идею использования военной силы, отметил, что студенческое движение черпало вдохновение из массового популизма культурной революции, и что если его не остановить, в конечном итоге это приведет к такому же массовому хаосу [30]. Чжао Цзыян, который сочувствовал протестующим, позже обвинил своих политических оппонентов в незаконном отстранении его от должности с использованием тактики «стиля культурной революции», в том числе в преувеличении личных оскорблений, выведения цитат из контекста, публикации клеветы [23].

Хотя Коммунистическая партия Китая официально осуждает культурную революцию, многие китайцы придерживаются более позитивных взглядов на нее, особенно среди рабочего класса, который больше всего выиграл от ее политики. После прихода к власти Д. Сяопина правительство арестовывало и сажало в тюрьму людей, которые заняли решительную позицию в поддержку культурной революции. Например, в 1985 г. молодой работник обувной фабрики поставил плакат на стене фабрики в Сяньяне, в котором говорилось, что культурная революция была «правильной», и привела к таким достижениям, как строительство моста через реку Янцзы, созданию гибридных посевов риса и повышению сознательности людей. Фабричный рабочий был в конечном итоге приговорен к десяти годам тюремного заключения, где вскоре он умер [11].

Один из студентов-лидеров протестов на площади Тяньаньмэнь 1989 г., Шен Тонг, положительно оценивает некоторые аспекты культурной революции. По словам Шена, спусковым механизмом для знаменитых голодовок на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. стал плакат с персонажем (дазибао), форма публичной политической дискуссии, которая получила известность во время культурной революции. Шен отметил, что собрание студентов со всей страны в Пекине на поездах и гостеприимство, которое они получали от жителей, напоминало опыт Красной гвардии во время культурной революции [19].

С момента появления интернета люди внутри и за пределами Китая утверждают, что культурная революция имела много полезных для Китая качеств, которые были отвергнуты как коммунистической партией, так и западными СМИ. Некоторые считают, что культурная революция «очистила» Китай от суеверий, религиозных догм и устаревших традиций в результате «модернистской трансформации», которая впоследствии сделала возможными экономические реформы Д. Сяопина. Эти настроения усилились после бомбежки посольства Китая в Белграде в 1999 г., когда часть населения начала связывать антимаоистские взгляды с Соединенными Штатами.

Современные маоисты также стали более организованными в эпоху интернета, частично в ответ на критику Мао со стороны ученых. На одном маоистском сайте удалось собрать тысячи подписей, требующих наказания для тех, кто публично критикует Мао Цзэдуна. Наряду с призывом к судебным действиям, это движение требует создания агентств, подобных районным комитетам эпохи культурной революции, в которых «граждане» будут сообщать об антимаоистах в местные бюро общественной безопасности. Маоистская риторика и методы массовой мобилизации возродились в городе Чунцин во время политической карьеры Бо Силай [35].

Общественное обсуждение культурной революции в Китае все еще ограничено. Правительство Китая по-прежнему запрещает новостным организациям упоминать подробности культурной революции, а онлайн-дискуссии и книги на эту тему подлежат официальному изучению. Учебники по этой теме продолжают придерживаться «официального взгляда» на события. Многие правительственные документы 1960-х годов остаются секретными и не подлежат официальной проверке частными учеными. В Национальном музее Китая в Пекине культурная революция почти не упоминается в своих исторических экспонатах. Несмотря на многочисленные достижения видных синологов, независимое научное исследование культурной революции не поощряется правительством Китая. Есть опасения, что по мере того, как свидетели стареют и умирают, возможность тщательно изучить это событие в Китае может быть упущена.

То, что правительство все еще проявляет такую повышенную чувствительность в отношении культурной революции, является показателем того, что оно все еще считает себя, по крайней мере, частично, наследником этой кампании. Правительство опасается, что академические исследования и общественные дискуссии приведут к идеологическому конфликту и увеличат социальную нестабильность. Это может угрожать основам коммунистического правления. Направленность китайского правительства на поддержание политической и социальной стабильности была первоочередной задачей с тех пор, как 4 июня 1989 г. прогремели события на площади Тяньаньмэнь. Нынешнее правительство не заинтересовано в переоценке любой проблемы, которая может привести к расколу в стране. Все, что может поляризовать партию по идеологическим соображениям [30]. В 2018 г. было сообщено, что одна из практик, типичная для культурной революции: публичная критика предполагаемых контрреволюционеров целой деревней, переживает неожиданное

возрождение, но неясно, был ли это отдельный инцидент или признак возобновленного интереса к стилю, типичного для культурной революции.

В Гонконге прокоммунистическая антиколониальная забастовка, вдохновленная Культурной революцией, была начата в 1967 г. Ее чрезвычайная агрессивность подорвала доверие к активистам на протяжении более чем одного поколения в глазах жителей Гонконга [21]. На Тайване Чан Кайши инициировал культурное возрождение Китая, чтобы противостоять тому, что он считал уничтожением традиционных китайских ценностей коммунистами на материке. В Албании лидер коммунистов и китайский союзник Энвер Ходжа начал «Культурную и идеологическую революцию», организованную по тем же направлениям, что и культурная революция.

В мире в целом Мао Цзэдун появился как символ анти-истеблишмента, массового популизма и самоопределения. Его революционная философия нашла приверженцев в «Сияющем пути Перу», мятеже наксалитов в Индии, различных политических движениях в Непале, американской партии «Черной пантеры» и контркультурном движении 1960-х гг. в целом. В 2007 г. главный министр администрации Гонконга Дональд Цанг отметил, что культурная революция представляет собой «опасность демократии», отметив также, что люди могут впадать крайности, как все видели это во время культурной революции, когда массы принимают все в свои собственные руки, то нет возможности управлять ими. Его замечания вызвали противоречие в Гонконге и были позже отозваны с соответствующими извинениями.

Таким образом, оценка партии неоднозначна. С одной стороны, лидеры партии не отрицают бедствий, которые принесла культурная революция для страны. С другой стороны, власти стараются избегать публичных дискуссий, так как это может привести к идеологическому расколу как внутри партии, так и дестабилизировать обстановку в стране, в целом. Партийные лидеры, начиная с

Дэн Сяопина, заняли правильную позицию, которая отвечает интересам большинства. Они не отрицают вину Мао Цзэдуна в ходе проведения кампании. Но также и не призывают перекладывать все ошибки на одного человека. Так как в ходе партийной борьбы некоторые члены КПК преследовали личные интересы по захвату власти, неэффективно управляли экономической и политической жизнью страны, поэтому нельзя однозначно утверждать, что вся вина лежит на одном человеке.

Вывод по второй главе:

После провала в проведении кампании «Большой скачок» внутри партии наметился серьезный раскол. Многие партийные кадры смотрели на дальнейшее развитие страны иначе, чем лидер КПК Мао Цзэдун. В свою очередь, председатель ЦК КПК на примере СССР был убежден в необходимости устранения оппозиции и недопущения раскола внутри партии. Это вызвало начало кампании, которая вошла в историю под названием «Культурная революция». Сама революция принесла стране крупные материальные потери, нанесла урон традиционной культуре и многим членам партии. После смерти Мао Цзэдуна реформисты во главе с Дэн Сяопином начали менять курс партии и проводить эффективные экономические реформы. Важно отметить, что несмотря на раскол внутри партии и фракционную борьбу, новые лидеры КПК правильно оценили политику Мао Цзэдуна и события того периода. Во избежании социального напряжения был признан тот факт, что многие кадры прикрывались идеями «Культурной революции» для получения личной выгоды. Таким образом, партийные лидеры приложили все усилия, чтобы избежать новых социальных потрясений. А также правильно оценили положительные и отрицательные последствия кампаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобальное развитие мировых политических и экономических процессов приводит к тому, что Китая становится политическим и экономическим центром в современном мире в противовес США. В последние годы конкуренция между США и КНР становится все более обостренной. В современных реалиях особо

важно изучить историю Коммунистической партии Китая, которая смогла не только преобразовать страну, заимствуя экономическую модель капиталистических стран, но и избежать крупных социальных потрясений после кризисов во время проведения кампаний «Большого скачка» и «Культурной революции». Суть кроется в том, что политика после 1976 г. была направлена не на полное осуждение и отрицание предшествующей истории, а на грамотный анализ ошибок и выявление тенденций для будущего развития страны. По мере того, как партия проводила анализ собственной истории, народ продолжал активно следовать курсу КПК и с энтузиазмом принял новую политику, возглавляемую Дэн Сяопином и другими прагматиками-реформистами.

Некоторые исследования полагают, что именно такая позиция КПК позволила не только сохранить доверие масс, но и продолжить, взятый еще Мао Цзэдуном, курс на преобразование страны. Кроме того, грамотная оценка истории позволила избежать раскола внутри общества и партии. Партийное руководство не стремилось переложить ответственность за свои ошибки на одного человека. Признавая свои неудачи, курс партии был направлен на исправление и корректирование политики, это являлось ключом к завоеванию доверия народа.

Для того чтобы в будущем избегать серьезных социальных потрясений и расколов, КПК должна придерживаться своей стратегии относительно осмысления истории. В наше время Китай все больше проявляет тенденцию к лидерству на мировой арене. Конфликт с США лишний раз подтверждает, что Америка видит в Китае серьезного соперника.

Торговая война Китая и Америки наглядно показывают, что население внутри КНР не только сплотилось вокруг КПК, но и с энтузиазмом поддерживают её политику. Этот факт лишний раз подтверждает, что курс КПК на правильное осмысление своей истории является ключом к сплочению масс и предотвращению социальной напряженности, а также раскола внутри народа и партии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Альфред Л. Чан Крестовый поход Мао: реализация политики в Китае / Альфред Л. Чан // Издательство Оксфордского университета. – 2001. – С. 71–74
- 2 Банистер, Джудит. История Китая / Банистер, Джудит. – Издательство Стэнфордского университета 1987. Пер. с англ. – А. Леонидов. – М.: СмартБук, 2013. – С. 3
- 3 Барнуин Барбара, Ю. Чангген. Чжоу Эньлай: политическая жизнь. / Барнуин Барбара, Ю. Чангген. Гонконг: Китайский университет Гонконга, 2006. Пер. с англ. – В. Виноградов. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – С. 9 – 30
- 4 Бернштейн Ричард. Ужас китайского голода [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/1997/02/05/books/horror-of-a-hidden-chinese-famine.html> (дата обращения 30.04.2019).
- 5 Боцакин, А. А. История Китая / А. А. Боцакин, О. Е. Непомнин, Т. В. Степугина // Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. Лит., 2010. – С. 500–562
- 6 Браниган, Таня Великий голод в Китае: правдивая история. / Таня Браниган // Пер. с англ. В. В. Гилевского. Минск: «Интер-Дайджест», 2013.
- 7 Валентино, Б. А. Массовые убийства и геноцид в двадцатом веке (2004) / Б. А. Валентино // [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books>. (дата обращения: 30.04.2019).
- 8 Ван, Няньи 大动乱 的年代 : 1949–1989 年的中国 [Великий век беспорядков, история Китая 1949–89]. / Ван Няньи. – Хэнань Жэньминь чубаньшэ, 1989.
- 9 Вэйцин, Цзян Циши нянь чжэнчэн: Цзян Вэйцинхуэйилу. (Семидесятилетнее путешествие: мемуары Цзян Вэйцина) / Вэйцин Цзян // – Жэньминь чубаньшэ, 1996. – С. 421

10 Гао, Мобо Битва за прошлое Китая: Мао и культурная революция. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/201211-03094507/http://www.strongwindpress.com/pdfs/EBook/The_Battle_for_Chinas_Past.pdf (дата обращения 15.05.2019).

11 Джаспер, Беккер Систематический геноцид [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20120411230653/http://www.spectator.co.uk-books/6296363/part_2/systematic-genocide-.html (дата обращения: 29.04.2019)

12 Джин Цю Культура власти: Линь Бяо и культурная революция / Джин Цю. – Стэнфорд, Калифорния: издательство Стэнфордского университета, 1999. – С. 25–61

13 Дикоттер, Фрэнк Великий голод Мао: история самой разрушительной катастрофы в Китае, 1958–1962 гг. / Пер. В. В. Гилевского. – Смоленск: ТОО «Эхо», 2011. – С. 33 – 304

14 Дэн Сяопин вэньсюань (Избранные сочинения Дэн Сяопина) / т. 3, Пекин, Изд. Жэньминь чубаньшэ, 1993. – С. 15–90

15 Китай в эпоху культурной революции [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20051225041328/http://www.wistp.murdoch.edu.au/publications/e_public/Case%20Studies_Asia.htm (дата обращения 17.03.2019).

16 Коул Дж. Ансли. Быстрые изменения населения в Китае, 1952–1982 гг / Коул Дж. Ансли. – Вашингтон. Национальная академия печати, 2007. – С. 7

17 Ларди Р. Николас, Фэрбенк К. Джон. «Китайская экономика в условиях стресса, 1958–1965 гг.». Китайская Народная Республика, часть 1: Появление революционного Китая 1949–1965 гг / Ларди Р. Николас; Фэрбенк К. Джон. – Кембридж: издательство Кембриджского университета, 2001. – С. 38 – 367

18 Ли Минки. Подъем Китая и упадок капиталистической мировой экономики. 2009 [Электронный ресурс]. URL:

https://monthlyreview.org/product/rise_of_china_and_the_demise_of_the_capitalist_world_economy/?attribute_pa_format=paperback (дата обращения 16.04.2019).

19 Ли Пэн. Беспорядки на площади Тяньаньмэнь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Li-Peng,-the-%E2%80%9Cbutcher-of-Tiananmen,%E2%80%9D-was-%E2%80%9Cready-to-die%E2%80%9D-to-stop-the-student-turmoil-18592.html> (дата обращения 12.05.2019).

20 Ли Чжисуй. Мао Цзэдун: записки личного врача. 2 кн. / Ли Чжи-суй. – Жэньминь чубаньшэ / Пер. В. В. Гилевского. Минск: «Интер-Дайджест», 1996.

21 Лу Син. Риторика китайской культурной революции: влияние на китайскую мысль, культуру и общение / Лу Син. – Пекин: издательство иностранных языков, 2005. – С. 37

22 Лю Шаоци сюаньцзи (Избранные сочинения Лю Шаоци) / Пекин, Изд. Жэньминь чубаньшэ, 1981 .

23 Макфаркуар Родерик , Шенхалс Майкл. Последняя революция Мао. / Издательство Гарвардского университета, 2006. Пер. с англ. – А. Соколов. – М.: СмартБук 2017 – С. 100 – 131

24 Макфаркуар Родерик. Истоки культурной революции / Макфаркуар Родерик. – Columbia University Press. (1983) / Пер. с англ. – СПб.: ООО «Альфа-книга 2017. – С. 110 – 150

25 Мао Цзэдун. Маленькая красная книжица. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ereading.club/chapter.php/97846/33/MaoMalen%27kaya_krasnaya_knizhica.html (дата обращения 15.05.2019).

26 Мао Цзэдун и красногвардейцы [Электронный ресурс]. URL: http://news.cri.cn/gb/9223/2006/04/19/1266@1007752_1.htm (дата обращения 10.05.2019).

27 Мао Цзэдун сюаньцзи (Избранные сочинения Мао Цзэдуна) / т. 5, Пекин, Изд. Жэньминь чубаньшэ, 1976. – т. 5.

28 Мин Фан Хе (2000). Межкультурные жизни и идентичности в мультикультурном ландшафте [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books.en> (дата обращения 06.05.2019).

29 Мирский, Джонатан. Китай, которого мы не знаем [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nybooks.com/articles/2009/02/26/the-china-we-dont-know/> (дата обращения: 20.04.2019).

30 Мирский, Джонатан. Китай: позор деревень [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nybooks.com/articles/2006/05/11/china-the-shame-of-the-villages/> (дата обращения: 25.04.2019).

31 Никита Хрущев 赫鲁晓夫 (1970). Мемуары Хрущева [赫鲁晓夫回忆录] / Никита Хрущев. – Москва, Информационно-издательская компания «Московские новости», 1999 г.

32 Райт Джон У. Универсальный Альманах / Райт Джон У. – Харрисонбург, Вирджиния: Компания Банта, 1992. – С. 411

33 Резолюция по некоторым вопросам в истории партии со дня основания Китайской Народной Республики (Тематический архив китайского коммунизма) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/documents/cpc/history/01.htm> (дата обращения 11.05.2019).

34 Резолюция по отдельным вопросам истории партии со дня основания Китайской Народной Республики», принятая на шестом пленарном заседании одиннадцатого Центрального комитета Коммунистической партии Китая 27 июня 1981 года./Резолюция по истории КПК (1949–81) / Пекин: издательство иностранных языков, 1981.

35 Син Лу (2004). Риторика китайской культурной революции: влияние на китайскую мысль, культуру и общение [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books.en> (дата обращения 03.05.2019).

36 Смерть председателя Мао – ЦК КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://news.sina.com.cn/c/144508.html> (дата обращения 04.05.2019).

37 Сорок пять миллионов человек погибло в «Большом скачке» Мао, говорит гонконгский историк в новой книге [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/article/723956/revisiting-calamitous-time> (дата обращения 05.03.2019).

38 Такстон Ральф А. младший. Катастрофа и раздоры в сельском Китае: «Большой скачок» Мао и сопротивления в деревне / Такстон Ральф А. младший. – Кембридж. Издательство Кембриджского университета. т. 3. / Пер. с англ. – СПб.: ООО «Альфа–книга, 2015.

39 Тан Цоу. Культурная революция и реформы после Мао: историческая перспектива / Тан Цоу. – Чикаго. Университет Чикагской Прессы, 1986. – С. 33 – 45

40 Уорден Роберт. «Страноведение: Китай». / Уорден Роберт. Вашингтон. – Библиотека Конгресса / Пер. с англ.- СПб.: ООО «Альфа-книга», 2018. – С. 56 –70

41 Фань Цзяян. Запретные сатиры Яна Лианке в Китае [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2018/10/15/yan-liankes-forbidden-satires-of-china> (дата обращения 21.04.2019).

42 Фридман Эдвард, Пикович Пол Г., Селден Марк. Сопротивление в деревне Китае. / Фридман Эдвард, Пикович Пол Г., Селден Марк. – Коннектикут: Издательство Йельского университета, 2006. – С. 195

43 Хинтон Уильям. Шенфан: продолжающаяся революция в китайской деревне. / Хинтон Уильям. – Нью-Йорк: Vintage books, 1984. – С. 234–249

44 Хуан Шаоронг. «Сила слов: политические лозунги как рычаг в управлении конфликтами и конфликтами во время Движения культурной революции в Китае» / Хуан Шаоронг. – Нью-Йорк: Vintage books, 2001. – С. 15 – 36

45 Цзяци Ян. Бурное десятилетие: история культурной революции (1-е изд.) / Цзяци Ян. – Вашингтон: Университет Гавайи Пресс (1996) / Пер. с англ. – СПб: ООО «Альфа-книга», 2014. – С. 88–97

46 Чжао Цзыян. Узник государства: Тайные записки премьера Чжао Цзыяна / Чжао Цзыян. – Нью-Йорк: Транс & Эд. Бао Пу, 2009. – С. 45 – 56

47 Эштон Хилл, Пьяцца, Цайц. Голод в Китае, 1958–61. Обзор народонаселения и развития / Эштон Хилл, Пьяцца, Цайц. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета. том 10, номер 4 1984 года. – С. 614

48 Ю Дан Смьер. «Спор с марксизмом: воспоминание тибетского буддиста в КНР» / Ю Дан Смьер. – Вашингтон: Тибетский Журнал 32.1, 2007. – С. 1–15

49 Ян Цзишен. Роковая политика большого скачка в КНР: предисловие к надгробной плите / Ян Цзишен. – Чикаго: Журнал «Современный Китай». Том 19 Выпуск 66, 2010. – С. 430–536

50 Ян Цзишен. Роковая политика большого скачка в КНР: предисловие к надгробной плите / Ян Цзишен. – Чикаго: Журнал «Современный Китай». Том 19 Выпуск 66, 2010. – С. 430

51 Яременко Ю. В. «Большой скачок» и народные коммуны в Китае/ Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. Лит., 2008. – С. 100–118